

© 2010 г.

ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ РАН

**ГОТОВО ЛИ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
К МОДЕРНИЗАЦИИ?**

Модернизация... Вряд ли в политическом и научно-аналитическом лексиконе последнего времени есть более популярный термин. Это стало очевидным после того, как 12 ноября 2009 г. Президент РФ Д.А. Медведев главной задачей страны назвал осуществление модернизации, связав ее с созданием политически стабильного социально-правового демократического государства с высокотехнологической экономикой и развитой социальной сферой.

Действительно, модернизация имеет судьбоносное значение для выживания России в современном мире. Полномасштабное решение этой задачи равноценно формированию конкурентоспособного общества, которое будет в состоянии выйти на передовые позиции в мире и обеспечить высокие показатели благосостояния граждан. Для этого должна быть перестроена основа основ эффективного функционирования общества, а именно, создана социально-экономическая система, способная к саморазвитию и качественному росту.

Что это означает? А это значит, что России, как бы это ни было сложно, предстоит пройти через глубокую трансформацию сложившегося за многие десятилетия социального уклада, осуществить переход на новую модель развития, создать эффективную и, что очень важно, диверсифицированную экономику. При этом главная специфика России здесь состоит в необходимости осуществления не одноотраслевой, односферной, социально и политически ограниченной, а в проведении *системной модернизации*.

А что означает для России системная модернизация? Это качественное обновление общества и по горизонтали, и по вертикали. Оно должно охватывать и все сферы жизнедеятельности, и все уровни организации государственной и общественной жизни. Системная модернизация, определяя судьбу страны, определяет жизненные перспективы всех субъектов РФ и регионов, всех социальных и демографических групп, обеспечивает достойный уровень благополучия семьи и личности.

Доклад подготовлен в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации

Вот тут и возникает, как кажется, главный вопрос – насколько совместимы интересы государственной модели модернизации с интересами миллионов тех, кто должен быть задействован в осуществлении данной модели? Возникают и другие, не менее принципиальные вопросы: а насколько предлагаемая модель модернизации российского общества отвечает насущным потребностям наших сограждан, кто может стать активным участником, а кто лишь безучастным свидетелем этого процесса, а может быть даже и его противником?

Поставленные вопросы приобретают особое значение в условиях, когда задача модернизации ставится перед страной в не лучших условиях – в период незавершившегося экономического кризиса, причем не только в России, но и в странах, с которыми она связана тесными финансово-экономическими узами.

Что все это означает в целом для понимания того – *как, с кем и при каких условиях* современная модернизация в России может принести успех? На наш взгляд, это означает следующее: наряду с осознанием задач модернизации, поставленных на государственном уровне, безусловно необходимо понять устроения самого общества, соотнести, насколько предлагаемая модель модернизации «сверху» отвечает менталитету, интересам, возможностям и способностям населения.

Не в обиду будет сказано относительно других общественных наук, – уяснить степень подобного соответствия (или несоответствия), а в конечном счете, ответить на вопрос: готово ли российское общество к новому на своем историческом пути этапу модернизации, – может в своем прикладном и аналитическом основании, прежде всего, социологическая наука.

Исходя из подобного понимания, Институт социологии РАН инициировал в сотрудничестве с Представительством Фонда им. Ф. Эберта в РФ первый общенациональный социологический проект, посвященный проблематике различных аспектов модернизации.

Исследование проведено в марте–апреле 2010 г. и охватило 1750 респондентов в возрасте от 18 лет и старше, жителей всех типов поселений и территориально-экономических районов РФ, представляющих основные социально-профессиональные группы населения¹.

¹ Аналитический доклад об итогах исследования выполнен коллективом в составе: член-корреспондент РАН М. Горшков и Н. Тихонова (руководители), А. Андреев, В. Аникин, Л. Бызов, Н. Лагова, Ю. Лежнина, С. Мареева, В. Петухов, Н. Седова. Консультант – глава Представительства Фонда им. Ф. Эберта в РФ доктор Р. Крумм. Доклад печатается с сокращениями.

Общая оценка ситуации в стране и социальное самочувствие россиян

Рассуждать о том, насколько российское общество готово к модернизации и в какой мере различные модернизационные инициативы могут быть поддержаны населением страны, невозможно без четкого понимания особенностей повседневной жизни россиян. Как же сейчас живут россияне? Каково их социальное самочувствие? Как сказался на их жизни экономический кризис? Ответы на эти вопросы позволяют понять те «рамки», в которых должна проходить модернизация страны, главными акторами которой выступают сами россияне.

Начнем с того, как в настоящее время население оценивает сложившуюся в стране ситуацию. *Как благополучную сложившуюся к настоящему моменту ситуацию в стране характеризуют лишь 16% населения. Практически три четверти населения считают ее проблемной, кризисной (73%), а каждый десятый россиянин даже назвал ситуацию катастрофической.*

Сравним эти цифры с данными двух прошлых лет. Сравнительный анализ показывают, что наиболее благоприятной, с точки зрения населения, ситуация в стране была в 2008 году – тогда 44% россиян оценили ее как нормальную, и лишь 6% считали ее катастрофической. Кризис 2009 года довольно значительно изменил эту картину. За один год доля тех, кто считал ситуацию нормальной, сократилась более чем в три раза, при этом более чем в два раза выросла доля тех, кто оценивал ситуацию как катастрофическую. По сравнению с 2009 г. те оценки, которые россияне дали текущей ситуации в стране весной 2010 г., немного улучшились, хотя при этом они продолжают резко отличаться от оценок, характерных для докризисного периода.

Отметим, что более пессимистичными при описании сложившейся ситуации весной с.г. оказались представители старшего поколения, в то время как молодежь склонна оценивать ситуацию более позитивно. Так, среди тех, кто находился в возрасте от 18 до 21 года, более четверти (27%) характеризовали ситуацию как благополучную и лишь 5% – как катастрофическую, в то время как в наиболее пессимистично настроенной группе, которую составили представители предпенсионного возраста (51–60 лет), эти доли совпадали, составляя 13% каждая.

Оценка ситуации в стране оказалась связана и с уровнем дохода, который имеют респонденты, однако во всех доходных группах большинст-

во, как и в случае с представителями разных возрастных групп, называло ситуацию проблемной. Причем даже среди самых благополучных по доходам групп – тех, чей ежемесячный доход в расчете на одного члена семьи был не ниже, чем 11250 рублей (что составляло полтора медианных значения дохода для страны в целом), только каждый пятый смог назвать ситуацию благополучной. Эти данные сами по себе уже свидетельствуют о том, что *подавляющее большинство россиян живут в состоянии стресса, постоянном ощущении напряженной и сложной окружающей действительности*. Показательно при этом, что доли тех, кто описывает ситуацию как проблемную или катастрофическую, оказываются выше, чем доли тех, кто сам значительно пострадал от финансового кризиса.

В то же время, влияние кризиса на микроуровне нельзя недооценивать – *более половины россиян оценивают ущерб, нанесенный им лично кризисом, как очень значительный, катастрофический или существенный (53%). Для 47% ущерб оказался не очень существенным, или ущерба им вообще нанесено не было*.

В наименьшей степени от кризиса пострадали, по их собственным оценкам, россияне младше 27 лет. Менее значительным оказалось влияние кризиса и на пенсионеров. Представители же наиболее экономически активных возрастов (27–50 лет), а также россияне предпенсионного возраста (50–60 лет) чаще оценивали нанесенный им ущерб как значимый. Что касается типа поселения, то наибольшая доля тех, кто оценивает ущерб от кризиса как катастрофический, проживает в селах (11%), а тех, кому кризис, по их оценкам, ущерба практически не принес, больше всего в областных центрах (18%).

Ущерб от кризиса оценивается выше теми россиянами, кто считает свое материальное положение плохим – среди них 19% оценили ущерб от кризиса как очень значительный, 52% – как существенный. Среди тех, кто оценивал свое материальное положение как хорошее, эти доли составляли только 3% и 35%, соответственно. Таким образом, *кризис в большей степени «ударил» по тем, кто и так считал свое положение неблагоприятным*.

Оценка собственного ущерба от кризиса сказывается на оценке россиянами ситуации, сложившейся в стране. Среди тех, кому кризис нанес значительный ущерб, как и среди тех, кто считает, что кризис практически не причинил им ущерба, около 60% оценивают ситуацию в стране как проблемную. Однако доли тех, кто описывает ее как катастрофическую

или как благополучную, при этом качественно различаются. Среди тех, кто считает, что понес значительный личный ущерб от кризиса, 6% считает, что ситуация в стране благополучная, нормальная, а 33% – что ситуация катастрофическая. Среди тех, кто считает, что понес существенный, но не катастрофический ущерб, эти доли составляют 9 и 10%, среди тех, кто считает личный ущерб не очень существенным, – 20 и 8%. Среди тех, кому кризис ущерба практически не причинил, эти цифры – 35 и 9%. Итак, чем больше ущерб, понесенный, по самооценкам россиян, от кризиса, тем более пессимистичны они в своих оценках ситуации в стране. Однако даже среди тех, кто практически не понес потерь в результате кризиса, преобладает ощущение, что ситуация в стране остается сложной, проблемной.

Если посмотреть на эти же данные с другой стороны, можно увидеть, что среди тех, кто оценивает ситуацию в стране как благополучную, три четверти понесли от кризиса не очень существенный ущерб или не потерпели практически никакого ущерба. Среди тех, кто считает ситуацию катастрофической, ситуация прямо противоположная – три четверти этой группы понесли от кризиса как минимум существенный ущерб.

Таким образом, *оценка ситуации в стране тесно связана с личными потерями от кризиса. Однако большинство населения в любом случае считает ситуацию, сложившуюся на сегодняшний день в России, кризисной.*

Подавляющее большинство (84%) населения считает, что сложнее всего в ситуации кризиса пришлось обычным гражданам. Все остальные варианты ответов значительно отстают по популярности, причем органы власти всех уровней относятся в сознании населения к наименее пострадавшим от кризиса. Треть россиян считает, что тяжело пришлось предпринимателям, еще четверть – что сложности испытало руководство страны, и только 17% считают, что сложно было региональной и местной власти. При опросах допускалось два варианта ответа, но почти треть россиян (30%) выбрали только один вариант ответа из предложенных, отметив, что в условиях кризиса сложнее всего пришлось обычным гражданам. Такой ответ чаще, чем другие, давали жители сел.

Итак, кризис так или иначе затронул значительную часть населения. Ситуация в стране, в восприятии населения, продолжает оставаться проблемной, напряженной. Посмотрим в связи с этим, каков же в настоящий момент уровень жизни россиян, в каких условиях протекает их повседневная жизнь.

Начнем с уровня ежемесячных доходов. Медианное значение ежемесячного душевого дохода составило, по самооценкам респондентов, 7500 рублей, среднее – 8954 рубля. Эти значения возросли по сравнению с прошлыми годами – так, например, в 2007 году медианное значение составляло 4500 рублей, среднее – 5660 рублей. Нужно также учитывать, что в данном случае речь идет о субъективной самооценке своих доходов, которая по данным социологических опросов всегда оказывается ниже официальной статистики как минимум в полтора раза.

Однако за средними значениями скрывается высокая дифференциация доходов, связанная с рядом факторов. Так, по ежемесячным доходам наблюдается высокая дифференциация в зависимости от региона и типа поселения. Наиболее высокими доходами обладают жители мегаполисов – среди них 63% имели душевые доходы, превышающие медианные для страны в два и более раз, т.е. более 15 000 рублей. Среди жителей села 21% имели доходы, не превышающие половину медианного для страны значения, в то время как среди жителей других типов поселений эта доля не превышала 8%. Среди регионов по уровню дохода значительно выделялась Москва (медианное значение среднедушевого ежемесячного уровня дохода там, согласно нашей выборке, составило 18000 рублей, среднее – 18689 рублей).

Для подавляющего большинства россиян (79%) основным источником дохода их семьи является работа. Значительна и доля тех, для которых основным источником дохода выступают пособия, пенсии и прочие трансфертные выплаты – таковых в настоящее время более трети (37%). По сути, это означает, что более трети населения сильно зависят от государства и проводимой им социальной политики.

Для самостоятельного решения проблем с доходами 22% россиян прибегают к разовым приработкам и заработкам от случая к случаю. Аналогичная доля использует для получения доходов подсобное хозяйство, дачу. Каждый десятый россиянин получает также доходы от совместительства (прежде всего, это наиболее образованная часть населения – так, среди тех, кто имеет два высших образования, магистерскую или докторскую степень, совместительство используют 27%). Что же касается предпринимательства и получения рент от собственности, то такие источники дохода являются пока для россиян скорее исключением, чем правилом.

Дачу и подсобное хозяйство чаще используют россияне старше 30 лет, для молодежи этот источник свойственен в меньшей степени. Разо-

вые приработки в большей мере характерны для тех, кто находится в возрасте 31–40 лет. И практика совместительства, и разовые приработки гораздо чаще используются в мегаполисах – там к ним прибегают 20% и 30% жителей, соответственно. Подсобные участки в качестве источников дохода, наоборот, в наименьшей степени характерны для мегаполисов (3%) и других городов (15–16%), зато в селах процент использующих их составляет 41%. Таким образом, различные типы поселений отличаются, помимо прочего, и теми возможностями, которые есть у их жителей для поддержания определенного уровня дохода.

Чуть менее половины россиян – 45% – имеют только один источник дохода. Еще треть (33%) получают свои основные доходы из двух источников. Для тех, кто имеет только один источник дохода, в 69% случаев этим источником является работа, в 28% – пенсии, пособия, иные трансферты. Остальные варианты получения доходов в российских условиях не могут выполнять функцию единственного источника дохода.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что *ни наличие одной основной работы, ни выплаты пенсий не могут обеспечить россиянам приемлемый уровень жизни, поэтому более половины россиян вынуждены прибегать к другим способам повышения уровня своего дохода*. Причем в первую очередь, это нестабильные источники заработка – разовые приработки, или же повышение своего уровня жизни путем использования подсобного хозяйства – способ, который при ухудшении положения использующих его (например, при потере работы) вряд ли сможет стать основным для обеспечения приемлемого уровня жизни.

Однако способ получения доходов и их размер, являющиеся, безусловно, важными характеристиками экономического положения населения, все же не дают полного представления о его реальном уровне жизни. Для того, чтобы лучше понять, в каких условиях живут россияне и как они при этом себя ощущают, рассмотрим такие характеристики, качественно характеризующие их уровень жизни, как обладание недвижимостью и «домашними» товарами длительного пользования.

Подавляющее большинство россиян (85%) имеет в собственности квартиру или дом. Четверть россиян имеет дачу или участок с домом, а каждый пятый – гараж, место на коллективной стоянке. Показательно, что сбережения, достаточные, чтобы прожить на них не менее года, имеют лишь 4% населения. Эти данные свидетельствуют о том, что *«запас прочности» населения очень низок*.

Посмотрим теперь, каков уровень обладания различными «домашними» предметами длительного пользования, которые характеризуют уровень и качество жизни домохозяйства.

«Традиционными» предметами длительного пользования – мебельным гарнитуром и пылесосом – обладает подавляющее большинство россиян. Около 80% уже имеют в домохозяйстве и менее привычные товары длительного пользования – кухонную технику типа гриля, микроволновой печи, тостера и т.п. Две трети имеют те или иные электроинструменты, и более половины населения (58%) имеют в домохозяйстве компьютер. Половина населения имеет автомобиль. Все вышеперечисленные товары в домохозяйстве имеет треть (33%) россиян, а медианное значение для всего населения составляет пять предметов из шести.

Однако многое из имеющегося у россиян имущества уже достаточно старое и, по всей видимости, нуждается в обновлении. *Относительно новыми в российских домохозяйствах являются компьютеры (более 90% компьютеров куплены за последние 7 лет, хотя за последний год куплены лишь 14% компьютеров). При этом половина мебельных гарнитуров, более трети автомобилей и треть имеющихся у российских домохозяйств пылесосов уже старше 7 лет.*

Набор из квартиры, машины и дачи, традиционно свидетельствующий о «достойном» уровне жизни, имеют 17% россиян. Таковых больше в крупных населенных пунктах (44% в мегаполисах, 21% в областных центрах и только 7% в селах обладают этим набором). Еще 37% россиян обладают двумя из трех перечисленных видов имущества. При этом 9% не имеют ничего из этого набора.

Отдельно остановимся на таком предмете длительного пользования, как компьютер. Наличие возможностей и навыков использования информационных технологий является важнейшим аспектом при оценке модернизационных перспектив страны. Как было показано, более половины домохозяйств в целом по России уже обеспечены компьютерами, однако значительная доля россиян остается пока вне информационных технологий. Кроме того, существуют значимые различия как в обеспеченности компьютерами, так и в опыте их использования между жителями различных типов поселений.

Обеспеченность компьютерами наиболее высока в мегаполисах, в поселках городского типа она снижается до 50%, а в селах обладают компьютерами уже менее половины их жителей. Доля пользующихся компь-

ютерами также максимальна в мегаполисах, но в поселках городского типа и селах она составляет менее половины. При этом даже в мегаполисах ежедневно пользуются компьютерами менее половины населения, и, как и в других типах поселений, отнюдь не все, у кого дома есть компьютер, реально им пользуются – часто это компьютер для «детей».

В этой связи нужно отметить, что в отношении компьютерной техники существуют очень значительные возрастные различия – так, среди молодежи младше 22 лет компьютерами обладают 88%, а среди тех россиян, кто старше 60 – только 14%. При этом никогда не пользуются компьютерами 10% первой возрастной когорты и 92% второй, а ежедневно используют их 68% и 4%, соответственно. Эти данные свидетельствуют не только о различиях стиля и образа жизни разных возрастных групп, но и о различиях их жизненных шансов и перспектив в условиях модернизации страны. В целом, такая ситуация свидетельствует о том, что *с точки зрения перспектив модернизации российское общество неоднородно; в наиболее неблагоприятных условиях с точки зрения перспектив их участия в модернизационных процессах находятся пожилые россияне и жители небольших поселений*. Отметим, что эти группы отличаются также и по наличию дома сложной новой техники (кухонной, электротехники), т.е. *они находятся в наименее благополучном положении с точки зрения освоения любых инноваций – даже на самом простом, бытовом уровне, что формирует у них заведомую психологическую неготовность к ним*.

Посмотрим теперь, как россияне оценивают имеющиеся у них возможности одеваться, питаться, проводить досуг – все то, что составляет материальную сторону их жизни и служит индикатором ее качества (см. табл. 1).

Данные показывают, что практически все аспекты жизни получают в настоящий момент больше положительных, чем отрицательных оценок населения. Негативные оценки преобладают только в вопросе об общей материальной обеспеченности. Нужно также сказать и о том, что *наиболее распространенными во всех сферах, кроме сферы семьи, остаются оценки «удовлетворительно», которые дает более половины населения*.

Наиболее позитивно, судя по оценкам населения, обстоит ситуация в сфере семьи и отношений с родными. Более половины россиян оценивают свою ситуацию в этой сфере как хорошую. Более трети позитивных оценок получили также возможности питания и место проживания.

Таблица 1

Оценка россиянами различных аспектов своей жизни, %¹

<i>Сферы жизни</i>	<i>Хорошо</i>	<i>Плохо</i>	<i>Разница</i>
Отношения в семье	53	5	48
Питаетесь	38	6	32
Место, регион, в котором Вы живете	36	8	28
Ситуация на работе	26	8	18
Одеваетесь	27	10	17
Состояние здоровья	30	13	17
Возможности проведения досуга	32	16	16
Ваше положение, статус в обществе	24	9	15
Возможность реализовать себя в профессии	25	16	9
Возможность получения образования и знаний, которые Вам необходимы	24	15	9
Материально обеспечены	16	19	-3
<i>Жизнь в целом складывается</i>	32	6	26

Тревожным индикатором выступает тот факт, что *разница положительных и отрицательных оценок по таким аспектам жизни, как возможности реализовать себя в профессии, как и оценка возможности получить образование и знания, невелика*. Это свидетельствует о том, что если базовые потребности россиян (питание, одежда) относительно удовлетворены, то возможности, связанные с накоплением и реализацией человеческого капитала, пока отстают.

Посмотрим теперь, как изменялись ответы по некоторым позициям, описывающим уровень благосостояния россиян, в течение последних лет. Начнем с оценки материального положения. Данные показывают, что самооценки материального благосостояния за последний год заметно выросли. За последние полтора десятка лет наиболее благополучной ситуация с материальным благосостоянием, по оценкам населения, была накануне кризиса, в 2008 году. Тогда разрыв между негативными и позитивными оценками составил 3%. В результате кризиса этот разрыв увеличился в 2009 году до 24%. Однако в настоящий момент он вновь составляет 3%, что свидетельствует о значительном улучшении материального положения россиян.

¹ В анкете был также предусмотрен ответ «удовлетворительно», не приведенный в таблице, поэтому общая сумма ответов менее 100%.

При оценке своей ситуации с питанием, россияне также более оптимистичны, чем год назад. В настоящий момент ситуация с питанием, по оценкам населения, оказывается даже лучше, чем в наиболее благополучном за последние годы 2008 году. Аналогичным образом обстоит ситуация и с оценками возможностей одеваться.

В оценках возможностей одеваться ситуация в настоящее время практически совпадает с наиболее благополучным периодом – докризисной ситуацией. Если в 2009 г. доля негативных оценок превышала долю позитивных, то к весне 2010 г. тенденция опять изменилась, и позитивные оценки вновь стали преобладать над позитивными.

Таким образом, *в сфере самооценок россиянами их базовых возможностей и потребностей (питание, одежда, материальное благосостояние) за последний год произошло значительное улучшение. В настоящий момент, согласно оценкам населения, ситуация в этих сферах схожа с той, которая наблюдалась в докризисный период 2008 года.*

Оценивая свою жизнь в целом, 32% россиян назвали ее хорошей, а 6% – плохой. Наиболее распространенным ответом на этот вопрос был вариант «удовлетворительно».

Общие оценки, которые дают своей жизни россияне, подтверждают, что в их представлении качество их жизни в «материальных» аспектах за последний год улучшилось. Ситуация, сложившаяся в настоящее время, наиболее близка к ситуации весны 2008 года. Положительные оценки своей жизни для российского населения в целом превышают негативные, которые дает только 6% населения.

Посмотрим, чем отличаются те, кто считает, что их жизнь складывается хорошо, и те, кто оценивает ее как плохую.

Различия в оценке своей жизни ярко прослеживаются в группах с различным уровнем дохода. Так, среди тех, чей ежемесячный душевой доход не превышает половины медианного для страны, как хорошую оценивают свою жизнь 25%, как плохую – 11%. В то же время среди тех, чей доход в расчете на одного члена семьи составляет более двух медиан в месяц, эти доли составляют 51% и 2%, соответственно.

Оценки своей жизни качественно различаются и в разных возрастных когортах. Молодежь настроена более оптимистично и гораздо чаще оценивает свою жизнь как хорошую. В самой молодой когорте россиян – тех, кто не достиг еще 22 лет – доля позитивных оценок своей жизни превышает половину. Однако, чем старше россияне, тем меньше становится

разрыв между долей оценивающих свою жизнь позитивно и долей тех, кто оценивает ее негативно. Среди тех, кто старше 60 лет, позитивные оценки того, как складывается их жизнь в целом, дают 18% россиян, а негативные – 10%.

Кроме того, оценки своей жизни различаются в разных типах поселений. Наибольшая доля позитивных оценок свойственна жителям мегаполисов и крупных городов в целом. Однако при этом оценки своей жизни в селах оказываются выше, чем в поселках городского типа, хотя и ниже, чем в городах. Очевидно, это связано с иным стилем жизни и иными представлениями о «достойном» качестве жизни, распространенными в тех или иных типах поселений.

Говоря о качестве жизни, обратимся еще к одному вопросу, позволяющему оценить психологическое состояние россиян. Данные показывают, что в области их социально-психологического самочувствия ситуацию нельзя назвать благополучной. *Только 3% россиян отмечают, что никогда не испытывают нервного напряжения ни на работе, ни вне работы, ни дома. При этом 7% постоянно испытывают напряжение хотя бы в одной из этих ситуаций.*

Наибольший уровень стресса и нервного напряжения связан для россиян с работой. Каждый четвертый постоянно или, как минимум, часто испытывает нервное напряжение на работе. В ситуациях, не связанных с работой, часто или постоянно испытывает нервное напряжение каждый десятый. В целом, 32% населения часто или постоянно испытывают напряжение по одному или нескольким поводам. Однако доли тех, кто испытывает нервное напряжение редко или время от времени, более значительны.

В целом, можно говорить о том, что *уровень напряжения, с которым сталкиваются россияне, достаточно высок.* Можно выделить две полярные группы россиян – тех, кто находится в частом или постоянном стрессе по тому или иному поводу, и тех, кто во всех рассматриваемых областях своей жизни не испытывает напряжения никогда или испытывает его редко. Численно эти группы наименее благополучных и наиболее благополучных в психологическом плане россиян составляют 32% и 17%. Посмотрим, чем они различаются.

Первое, что обращает на себя внимание – нелинейная зависимость от возраста. Среди более благополучных в психологическом плане россиян оказывается как больше молодежи до 30 лет, так и больше представите-

лей старшей возрастной когорты (от 60 лет и выше). Очевидно, это связано с тем, что в старшей когорте в разы меньше людей, испытывающих нервное напряжение на работе – по причине того, что подавляющее большинство их уже не работает.

Что касается различий в уровне дохода между двумя рассматриваемыми группами, то они имеют место (и доход, и уровень обладания недвижимостью был чуть выше у благополучных россиян), но не столь значительные, как можно было бы предположить. Однако группы, подверженные стрессу в разной степени, значительно отличались самооценками своего уровня здоровья. Среди благополучных россиян как хорошее состояние своего здоровья оценивали 39%, среди неблагополучных – 25%. Оценили состояние своего здоровья как плохое 8% первой группы и 15% второй.

Наконец, уровень нервного напряжения сказывался и на оценках своей жизни в целом. Среди группы благополучных россиян 42% оценивают свою жизнь как хорошую, 2% – как плохую. Среди тех, кто менее благополучен с точки зрения нервного напряжения, 22% оценили свою жизнь как хорошую и 12% – как плохую.

Кратко нужно сказать и о том, как живут сейчас те, кто должен выступать «двигателем» модернизации на микроуровне – руководители, предприниматели, специалисты с высшим образованием. Их уровень жизни, к сожалению, нельзя назвать качественно отличающимся от характерного для остального населения, хотя в целом он оказывается несколько выше. Так, представители этих групп в большей мере обеспечены набором из квартиры, машины и дачи (им обладают 45% предпринимателей, 26% руководителей различных уровней и 24% специалистов с высшим образованием при 17% среди россиян в целом), чаще оценивают свое материальное положение как хорошее (28% среди руководителей и 26% среди специалистов с высшим образованием при 16% среди населения в целом), чаще оценивают как хорошую и свою жизнь в целом (50% среди руководителей и 45% среди специалистов с высшим образованием при 32% среди всех россиян). Представители этих групп чаще прибегают к практике совместительства (это характерно для 14% руководителей и 20% специалистов с высшим образованием), но реже, относительно других социально-профессиональных групп, к разовым приработкам. Кроме того, они в большей степени включены в информационные технологии – более 80% представителей этих групп имеют дома компьютер и обладают

навыками его использования, что является позитивным индикатором с точки зрения перспектив модернизации.

Запрос россиян на определенный тип социально-экономического развития страны

Обрисовав ситуацию, в которой находятся сейчас россияне, и оценив, каково их общее социально-экономическое самочувствие, перейдем к вопросу о том, чем характеризуется складывающийся в этих условиях запрос населения к государству и обществу. Необходимо понять, каков, в представлении россиян, оптимальный путь модернизации России, какова модель того общества, в котором они хотели бы жить, какова в нем роль государства и что определяет тот или иной выбор населения.

Начнем с того, как вообще понимают россияне термин «модернизация», каково его смысловое наполнение. Следует заметить, что три четверти россиян относятся к этому термину положительно, а у четверти он вызывает скорее негативные чувства. Однако для различных групп населения данный термин имеет совершенно разную смысловую нагрузку.

Посмотрим, что же население страны подразумевает под модернизацией. Картину представлений россиян о желаемой модели модернизации можно наглядно представить, по их ответам на вопрос о ключевой идее модернизации страны.

Рисунок 1. Какая идея должна стать ключевой для модернизации России, % (допускалось два варианта ответа)

Как видно на рисунке 1, *наибольшее количество сторонников в качестве ключевой для российской модернизации идеи набирает идея соблюдения прав человека, равенства перед законом*. Отметим, впрочем, что равенство всех граждан перед законом также является для россиян лидирующим признаком демократии – именно его называет более половины населения, отвечая на вопрос о том, без чего невозможна демократия.

Данные показывают, что запрос на равенство перед законом незначительно изменяется в разных возрастных когортах. Кроме того, и в разных доходных группах доля тех, кто выбирает в качестве ключевой для развития России именно эту идею, варьировалась совсем незначительно. Не различалась она и в группах с разным отношением к модернизации. Выделялись в этом вопросе жители сел – там эта идея распространена чуть реже (38%), чем в других типах поселений. Кроме того, идею равенства всех перед законом в большей мере поддерживают те, кто считает, что для России важнее хорошие законы, чем хорошие руководители. Однако и во второй группе запрос на равенство всех перед законом выражают 39% ее представителей. Таким образом, в целом во всех группах населения около 40% выражают устойчивый запрос к пути модернизации России через обеспечение соблюдения прав человека и равенства всех перед законом. Интересно также, что по этому вопросу не наблюдалось и значительных расхождений между сторонниками общества индивидуальной свободы и сторонниками общества социального равенства. Таким образом, *даже для групп людей с разной идеологией и разными идеальными моделями общества и государства проблема всеобщего равенства перед законом в России является общей, «универсальной» и наиболее острой, отражая незавершенность в ней социальной модернизации*.

Незначительно отстает по количеству сторонников и вторая ключевая идея, которая, по мнению 38% россиян, могла бы лечь в основу модернизации в России – жесткая борьба с коррупцией. Этот вариант чаще, чем другие группы населения, склонны были выбирать более обеспеченные россияне – так, среди тех, чей ежемесячный среднедушевой доход превышал два медианных для страны значения, данную идею назвали в качестве ключевой 45%, а среди наименее благополучной в материальном отношении группы, доход которых не превышал половину медианного для страны в целом, таковых оказалась только треть (33%). Доля тех, кто выдвигал в качестве ключевой для модернизации России идею борьбы с коррупцией, оказалась также выше среди жителей мегаполисов – полови-

на из них поддержала такую идею, причем по доле сторонников именно эта идея вышла на первое место в мегаполисах, демонстрируя, тем самым, важную «болевою» точку, характерную в наибольшей степени именно для данного типа поселений.

Отчасти это связано, видимо, с тем, что идею жесткой борьбы с коррупцией в большей степени поддерживают те, кто, по собственным признаниям, с ней сталкивался, а таковых больше в наиболее обеспеченной части населения, относительно чаще проживающей в мегаполисах. Поддержка идеи борьбы с коррупцией в качестве ключевой идеи модернизации страны демонстрирует зависимость от того, приходилось ли самим респондентам давать взятки, что свидетельствует о том, что в значительной части случаев эти взятки были вынужденными, фактически вымогались у них (см. рис. 2).

Рисунок 2. Доля выбирающих борьбу с коррупцией как ключевую идею модернизации в составе различных групп, %

Таким образом, и вторая ключевая идея модернизации, которую выбирает население, является не столько элементом образа «идеального» будущего, сколько ответом на сложившуюся в стране социально-экономическую ситуацию.

Третий наиболее распространенный вариант ответа – *обеспечение социальной справедливости* – набрал чуть менее трети голосов всех россиян (31%). По данному вопросу наблюдалась дифференциация в зависимости от возраста – так, среди тех, кто был младше 40 лет, этот вариант в качестве ключевой идеи модернизации выдвигал каждый четвертый; в группе россиян в возрасте от 41 до 50 лет – уже каждый третий, а среди тех, кто был старше 50 лет, эта доля доходила до 37%. Наблюдалась и зависимость от дохода – среди тех, чей ежемесячный среднедушевой доход не превышал половины медианного для страны, обеспечения социальной

справедливости требовали 33%, а среди тех, чей доход превышал две страновые медианы – 25%. Еще более показательна связь выбора этого варианта ответа и оценки личного ущерба от кризиса: те, кто оценил свой ущерб от кризиса как катастрофический, выдвигали идею социальной справедливости как ключевую почти в половине случаев (48%). В группе же тех, кто отметил, что кризис ущерба им практически не нанес, она снижалась до 23%. Кроме того, запрос на социальную справедливость был тем выше, чем более низкими позициями россияне оценивали свое положение в обществе. Тем самым, *запрос на социальную справедливость в некоторой степени является ситуативным запросом, растущим в особенно сложные для населения моменты, с которыми наименее благополучные группы населения не могут справиться самостоятельно, без поддержки государства.*

При этом запрос на обеспечение социальной справедливости гораздо выше среди тех россиян, кто изначально настроен на большую роль государства в жизни общества. Так, среди сторонников социалистического планового хозяйства доля предъявляющих запрос на обеспечение социальной справедливости составляет 43%, в то время как среди сторонников рыночной экономики (как в чистом виде, так и с элементами государственного регулирования) эта доля в два раза ниже (21%).

Аспект, связанный с *формированием эффективной инновационной экономики*, отметил в качестве ключевой идеи для модернизации лишь каждый четвертый россиянин, хотя именно этот аспект чаще всего звучит на различных властных уровнях, и в частности – назывался как один из ключевых в Послании Президента Д.Медведева Федеральному Собранию РФ. Возможно, это связано с тем, что *россияне понимают – в сложившейся социально-экономической обстановке, утвердившейся «институциональной матрице» становление эффективной инновационной экономики невозможно, и, соответственно, ставят во главу угла именно проблемы изменения самой этой «матрицы».*

Идею формирования эффективной инновационной экономики как ключевую для модернизации чаще отмечали люди в экономически активном возрасте от 30 до 50 лет (29%), и в наименьшей степени поддерживали россияне старше 60 лет (среди них аналогичная доля была более чем в 2,5 раза ниже, составляя 11%). В отличие от идеи обеспечения социальной справедливости, этот вариант чаще выбирали те, кто выступал за общество индивидуальной свободы (30%), чем выступающие за общество

социального равенства (21%). Идея построения эффективной рыночной экономики в качестве основной идеи модернизации России была также ближе тем, кто имел более высокие уровни человеческого капитала, и доля ее сторонников достигала 32% среди имеющих высшее образование и 35% имеющих научную степень или два высших образования – при 13% среди тех, чей уровень образования был ниже среднего. Кроме того, ее чаще отмечали те, кто за последние три года тем или иным способом пополнял свои знания, инвестируя, тем самым, в свой человеческий капитал. Что касается профессионального статуса, то запрос к инновационной эффективной экономике в наибольшей степени был характерен для предпринимателей, имеющих наемных работников, руководителей разных уровней, специалистов с высшим образованием. Среди служащих и рабочих разного уровня квалификации популярность этой идеи была значительно ниже. Таким образом, *идея инновационной экономики в большей степени оказалась востребована среди тех, кто мог бы относительно эффективно работать в ее условиях.*

В целом, результаты исследования демонстрируют, что *среди ключевых идей для модернизации страны россияне называют, прежде всего, инструментальные ценности. Запрос к целям и способам модернизации страны формируется через те проблемы, которые, по ощущениям россиян, в обществе еще не решены, хотя потребность в этом стоит очень остро. Картина наиболее распространенных в обществе мнений о ключевых идеях российской модернизации ярко отражает и наиболее значимые общественные потребности населения, которые государство пока не может удовлетворить – всеобщее равенство перед законом, искоренение коррупции, обеспечение социальной справедливости для тех, кто нуждается в государственной поддержке и построение инновационной экономики для тех, кто мог бы эффективно в ней работать.*

Неудивительно, что при таком общественном запросе *среди мер, которые, по мнению россиян, могут обеспечить проведение в стране успешной модернизации, первое место занимает именно искоренение коррупции.* Эту меру отметила половина россиян (см. рис. 3).

Как видим, меры, связанные с развитием демократии – учет руководителями мнения народа, повышение общественно-политической активности граждан – называются россиянами гораздо реже – *на первые места выходит борьба с коррупцией и повышение эффективности работы системы управления, т.е. как раз то, что относится к уже упоминавшейся*

выше «институциональной матрице». Промежуточные позиции связаны с новыми технологиями и подготовкой кадров, которые могли бы осуществлять успешную модернизацию страны (поддержка этих позиций вновь оказалась более характерна для тех, кто имеет более развитый человеческий капитал, а также для молодых россиян).

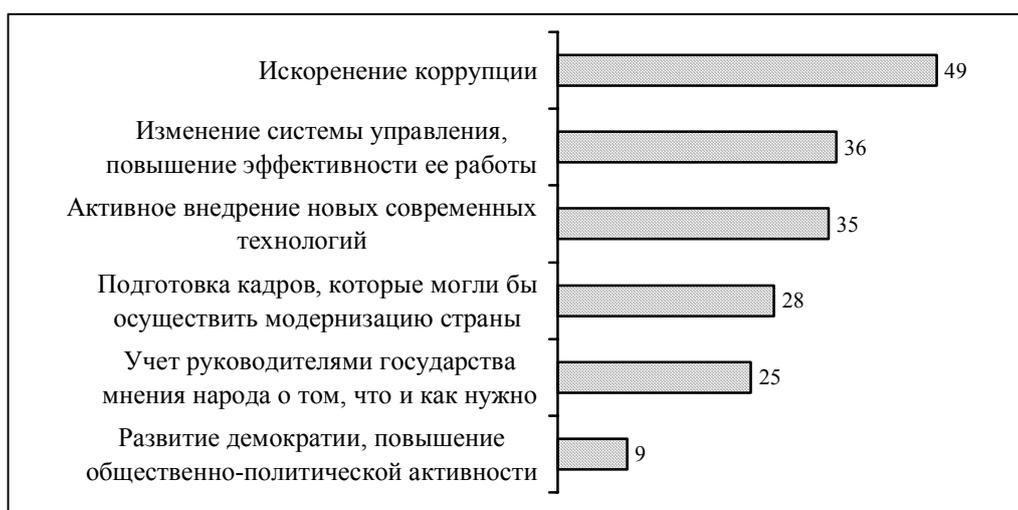

Рисунок 3. Какие меры, по мнению населения, могут обеспечить проведение в стране успешной модернизации, %
(допускалось два варианта ответа)

Перейдем от понимания термина «модернизация» к вопросу о том, насколько россияне вообще верят в перспективы России в этой области. Как показывают результаты исследования, около 60% россиян верят в успех осуществления модернизации в России хотя бы в среднесрочной перспективе (до 15 лет). Каждый четвертый житель страны считает, что успешная модернизация будет осуществлена, но не раньше, чем через 20 лет. Наконец, 18% вообще не верят в успех модернизации в России (см. табл. 2).

Настрой относительно возможностей модернизации в России связан с возрастом: молодежь отличается большим оптимизмом в оценке этих перспектив. Среди тех, кто не достиг еще 22 лет, 28% считают возможным выведение страны на качественно иной уровень развития уже через 5–10 лет, и только 8% не верят в существование этой возможности даже в

ближайшие 30 лет. Для сравнения, в старшей когорте населения (тех, кто старше 60 лет), эти доли совпадают, составляя по 24%.

Таблица 2

Оценка перспектив модернизации России населением, %

<i>Верите ли Вы лично в возможность осуществления в России модернизации, выведения страны на качественно новый уровень жизни и развития?</i>	<i>%</i>
Да, верю, и считаю, что это может произойти уже через 5–10 лет	23
Да, верю, но считаю, что это может произойти не раньше чем через 10–15 лет	35
Да, верю, но считаю, что это произойдет очень нескоро, не раньше чем через 20 лет	24
Нет, не верю, и думаю, что по крайней мере в ближайшие 30 лет этого не произойдет	18

Интересно, что большим оптимизмом в этом вопросе отличаются сторонники невмешательства государства в экономическую и социальную сферы жизни. Так, на выход России на качественно иной уровень жизни и развития в течение ближайших 5–10 лет надеются 34% приверженцев идеи свободной рыночной экономики при 22% среди сторонников планового хозяйства, и 46% сторонников невмешательства государства в жизнь граждан в социальной сфере при 20% среди тех, кто выступает за обеспечение государством полного равенства всех граждан.

Как же видят россияне будущее страны? Первое, что стоит отметить – это тот факт, что представления россиян относительно будущего положения нашей страны в мире достаточно оптимистичны. Так, более 60% россиян считают, что Россия может стать и ведущей промышленной державой, и культурным центром, и страной передового образования (см. табл. 3).

Однако, несмотря на высокие, в целом, ожидания россиян относительно будущего своей страны, их ответы четко демонстрируют, какие перспективы России для населения более вероятны, а какие – менее. Наверное, неудивительно, что на первом месте по реалистичности сценария оказывается превращение России в энергетическую и сырьевую «сверхдержаву», что, по сути, означает экстенсивное развитие сырьевого сектора и положение поставщика ресурсов развитым промышленным странам. При этом 63% населения отметили, что Россия уже является таковой – это единственная позиция, которая набрала более 50% голосов.

Чуть более 40% считают, что Россия в настоящий момент выполняет важную культурную роль, примерно аналогичная доля – что наша страна привлекательна для туристов.

Таблица 3

Какой образ будущей России, отражающий ее место в мире, представляется россиянам наиболее реальным, %

<i>Образ будущего России</i>	<i>Она уже сегодня является таковой</i>	<i>Это вполне возможно</i>	<i>Это мало вероятно</i>	<i>Это нереально</i>
Россия – энергетическая и сырьевая «сверхдержава», осуществляющая поставки ресурсов в другие страны	63	30	6	1
Россия – страна высокой культуры, произведения ее писателей, музыкантов, художников вызывают интерес во всем мире	44	40	13	3
Россия – страна уникальной природы, истории, в нее едут туристы из всех стран мира	41	44	13	2
Россия – ведущая научная держава, ее ученые осуществляют открытия и изобретения, пользующиеся спросом во всем мире	29	48	20	3
Россия – ведущая промышленная держава, успешно конкурирующая с другими странами мира	20	49	25	6
Россия – страна передового образования, в нее едет учиться молодежь со всех концов мира	19	44	31	6

Показательно, что аспекты и сценарии, непосредственно связанные с модернизацией в традиционном ее понимании – развитием науки и промышленности, инноваций, повышением качества человеческого капитала, гораздо реже оцениваются россиянами в качестве отражающих сегодняшний день России. Более того, именно эти аспекты оказываются лидерами по доле считающих, что это маловероятно или вообще невозможно.

Итак, *наиболее вероятный, в сознании населения, сценарий развития России, определяющий ее положение на международной арене – это все больший экспорт природных ресурсов, выполнение роли поставщика сы-*

рья для глобальной экономики. Кроме того, россияне возлагают надежды на культурный потенциал страны, а также на природную среду, способные привлечь туристические потоки. Те же роли, которые связаны с изменением структуры производства, развитием науки и наукоемкого производства, подготовкой новых высококвалифицированных кадров для того, чтобы составлять конкуренцию другим странам мира, представляются россиянам гораздо менее вероятными, по крайней мере – пока не изменится та институциональная матрица, в которой решающую роль в развитии общества играет коррупция, где не обеспечено равенство граждан перед законом и т.д.

Посмотрим теперь, каков существующий запрос россиян к экономической сфере жизни страны. Начнем с того, какой экономический строй представляется населению оптимальным для России (см. табл. 4).

Таблица 4

Каким должен быть, по мнению населения, экономический строй в России, %

<i>Модели экономического развития</i>	<i>%</i>
Плановое социалистическое хозяйство	16
Экономика, основанная на государственной собственности, с отдельными элементами рыночного хозяйства и частной собственности	42
Экономика, основанная на частной собственности, с элементами государственного регулирования	28
Свободная конкурентная рыночная экономика	14

Полученные результаты показывают, что для большей части россиян представляется правильной более значимая роль государства, а не рынка, в экономической сфере. Так, 16% населения вообще предпочли бы видеть плановое социалистическое хозяйство, еще 42% – экономику с элементами рыночного хозяйства, но основанную все же на государственной собственности. Менее половины населения (42%) считают, что для России больше подходит экономический строй, полностью или частично основанный на рынке и частной собственности.

Доля тех, кто считает, что для страны в большей степени подходит плановое социалистическое хозяйство, различается в разных возрастных когортах. Особенно значительно выбивается группа тех, кто старше 60 лет – среди них за исключительно государственное управление экономической сферой страны высказались 42%. В два раза меньше эта доля сре-

ди россиян в возрасте от 51 до 60 лет (21%), еще почти в два раза она сокращается при переходе к группе тех, кому от 31 до 50 лет (11%), а в самых молодых когортах населения она не превышает 6%. Таким образом, за полное государственное регулирование экономики выступают, в первую очередь, те, кто сам уже не вступает в рыночные отношения. Свободную рыночную экономику поддерживают, наоборот, более молодые когорты населения – за подобный экономический строй высказались 28% россиян, не достигших еще 21 года, и лишь 5% россиян старше 60 лет.

Выявлена связь запроса на плановое социалистическое хозяйство и с уровнем дохода. Здесь значительный перелом наблюдался на уровне дохода, совпадающем с медианным по стране: те, чей ежемесячный среднедушевой уровень дохода не достигал медианного для страны в целом значения, выступали за плановое социалистическое хозяйство в 20% случаев, а те, чей доход был не ниже медианного для страны значения – в 11%.

В большей степени поддерживают свободную рыночную экономику те, кто поддерживают и идею общества индивидуальной свободы (среди них 21% высказались за свободный рынок, а 6% – за плановое социалистическое хозяйство), чем те, кто предпочитают общество индивидуального равенства (аналогичные доли в этой группе составили 11% и 21%, т.е. ситуация прямо противоположна).

Кроме того, в группах руководителей всех уровней, а также предпринимателей и самозанятых, более половины предъявляют запрос на большую роль рыночного начала в экономике. Во всех остальных социально-профессиональных группах более половины предъявляют запрос на ведущую роль государства.

Наконец, нужно отметить, что в большей степени за высокую степень вмешательства государства в экономическую сферу высказываются те, кто считает, что в настоящий момент их жизнь складывается плохо. Три четверти из них видят ведущую роль государства в экономической сфере, предпочитая либо плановую экономику, либо экономику, основанную на государственной собственности. Среди тех, кто считает, что их жизнь складывается в настоящий момент хорошо, эта доля не достигает и половины (46%) – большая часть из них хотела бы видеть экономический строй, основанный целиком или, как минимум, в большей степени на рыночных конкурентных отношениях.

Таким образом, *запрос россиян на желаемый экономический строй в России неоднороден. Хотя 58% хотели бы отвести ведущую роль в эко-*

номике государству, для более молодых россиян, выросших уже в условиях рыночной экономики, а также для тех, кто к настоящему моменту успешно адаптировался к условиям рынка, предпочтительной представляется конкурентная рыночная экономика.

Посмотрим, какова динамика этого запроса, как изменилось мнение россиян об оптимальном экономическом строе за последние 12 лет (см. рис. 4).

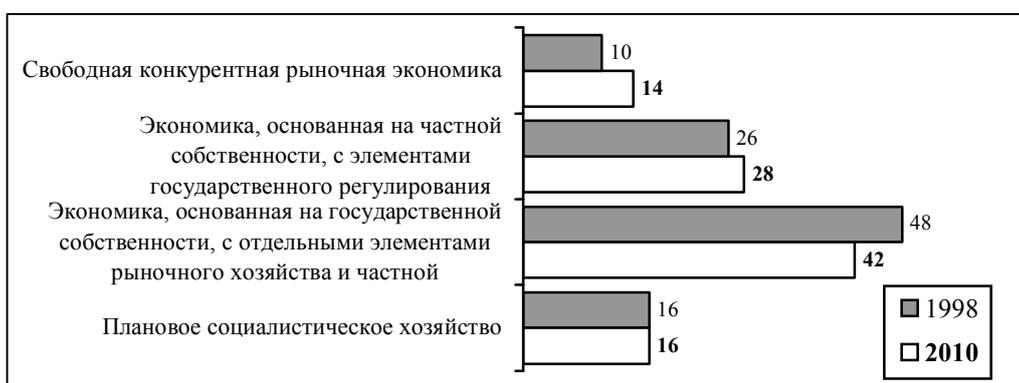

Рисунок 4. Каким должен быть, по мнению населения, экономический строй в России, 1998/2010 гг., %¹

Как видно из рисунка 4, за последние годы среди россиян произошел небольшой рост доли сторонников рыночных начал в экономике, хотя они по-прежнему находятся в меньшинстве. При этом, по сравнению с 1998 годом, доля тех, кто поддерживает плановое социалистическое хозяйство, осталась неизменной, а доля сторонников экономики, основанной на государственной собственности, но с элементами рыночного хозяйства, немного уменьшилась. Таким образом, *среди россиян медленно, но растет запрос на повышение значимости рыночных начал в экономической сфере жизни.*

Продолжая обсуждение экономической системы, на которую существует запрос у россиян, посмотрим, как они относятся к различным возможностям распределения прав собственности на природные ресурсы, являющиеся, по сути, «стратегическим запасом», на котором основано в их глазах будущее России. В вопросе о том, кому должны принадлежать

¹ Данные по 1998 г. приведены по результатам мониторингового исследования РНИ-СиНП, проведенного по стандартной общероссийской выборке в октябре 1998 г.

природные богатства страны, наибольшая доля россиян выбрала вариант «народу» (45%). Немного отстает от этого стремления к коллективной собственности на природные ресурсы вариант государственной собственности на них (39%).

Показательно, что для россиян абсолютно нелегитимна частная собственность на природные ресурсы. В праве собственности на природные богатства население отказывает и тем, кто с ними работает, и тем, кто проживает на соответствующей территории, и, тем более, тем, кто стал их официальным собственником в результате реформ. Причем это характерно для представителей всех социально-профессиональных групп.

Очевидно, что такое отношение к земле, природным ресурсам – впрочем, как и к официальным правам собственности, которые при этом считаются «несправедливыми», является ярким индикатором традиционалистского сознания, доминирующего у россиян в этой сфере.

Рисунок 5. По каким видам собственности государство, по мнению населения, может ограничивать права собственников распоряжаться своей собственностью, % (допускалось несколько ответов)

Эти выводы подтверждаются анализом ответов на вопрос о том, может ли государство ограничивать права собственников распоряжаться своей собственностью, и если да, то по каким видам собственности это возможно (см. рис. 5).

Как видим, *недра и содержащиеся в них полезные ископаемые не воспринимаются большинством россиян как объекты реальной частной собственности*. Почти 70% населения считают, что государство может ограничивать собственников недр и ресурсов в распоряжении их собственностью. Более 60% аналогичным образом относятся к побережьям морей и водоемов.

Остальные варианты выбирают менее половины населения, тем не менее, цифры эти также очень показательны. Так, 44% считают, что право собственности может быть ограничено государством и по таким объектам, как заводы, фабрики, магазины. Каждый четвертый россиянин считает, что государство может контролировать такой вид собственности, как паи и акции предприятий. Согласие с регулированием государством этих объектов означает, по сути, что вмешательство государства в экономические отношения на уровне отдельных фирм в глазах россиян легитимно и даже востребовано.

Очевидно, что *при такой модели речь не может идти о свободной рыночной экономике в традиционном ее понимании, и вновь нужно вспомнить про наиболее распространенное видение россиянами оптимального экономического строя – экономика, основанная, прежде всего, на государственной собственности – причем с возможностями контроля государством и тех элементов рыночной экономики, которые могут в ней присутствовать*.

При этом *россияне не выступают против частной собственности как таковой, особенно если это касается собственности, принадлежащей им лично и составляющей их жизнь, их быт*. Предоставить государству возможность ограничивать права собственников квартир, дач, участков, машин готовы лишь 2–3% населения. Для подавляющего большинства россиян эти объекты составляют ту группу, на которую распространяется идея неприкосновенности частной собственности. Как видим, в нее входят лишь те типы собственности, которые не используются для получения доходов – а вот все, что связано с получением доходов, уже относится ими к той собственности, которую государство может и должно контролировать. В этом отношении показательно, что о возможности

государства контролировать земельные участки населения, используемые для собственных нужд, упомянули только 2% россиян. Однако, если речь идет уже не о личном пользовании участком, а о получении дохода путем производства на нем продукции для продажи, эта доля возрастает в несколько раз и составляет уже 13%, хотя и продолжает оставаться несопоставимо меньше, чем в отношении других природных ресурсов.

Только 22% россиян считают, что государство никогда не может вмешиваться в отношения частной собственности, и собственник может распоряжаться собственностью по своему усмотрению. Оно в большей мере распространено среди молодежи (так, этот вариант выбрали 34% россиян младше 26 лет), а также среди предпринимателей и самозанятых. За последние несколько лет число сторонников этой точки зрения выросло – в 2005 году полную свободу собственника в распоряжении своей собственностью поддерживали лишь 8% россиян. При этом доли тех, кто готов был допустить ограничения государством прав собственников квартир, автомобилей, дач и т.п. изменились незначительно, но сократились доли тех, кто считает правомерным ограничение государством прав собственников природных ресурсов, промышленных предприятий, акций и паев.

Таким образом, в последние годы происходит некоторое движение в сторону осознания и принятия россиянами права частной собственности, распространение среди них модернистского отношения к частной собственности, которое, однако, не стало еще преобладающим для российского общества и свойственно лишь части населения.

Рисунок 6. Как россияне относятся к существованию в России предприятий, принадлежащих иностранным фирмам, %

Продолжая эту тему, посмотрим, что можно сказать об отношении россиян к собственности иностранных предприятий. Показательно, что *треть россиян в настоящее время негативно относится к существованию предприятий, принадлежащих иностранным фирмам, хотя это является нормой в условиях глобальной экономики.*

Как видим (см. рис. 6), несмотря на то, что речь не идет о принадлежащей иностранцам собственности на ресурсы страны, даже существование иностранных фирм, являющееся важным элементом открытой рыночной экономики, вписывания в глобальное экономическое развитие, вызывает у значительной части россиян негативные эмоции. При этом доля тех, кто испытывает негативные эмоции, даже превышает долю тех, кто относится к этому факту положительно.

Большая доля положительно относящихся к существованию предприятий, принадлежащих иностранным фирмам, наблюдается в более молодых когортах населения. С повышением возраста эта доля значительно сокращается, причем перелом происходит на отметке в 30 лет .

Как видим, и в этом вопросе за последние годы произошли изменения, свидетельствующие о постепенном распространении норм модернистского мировоззрения – так, в 2005 году против существования предприятий, принадлежащих иностранным фирмам, высказывалось более половины населения (52%) при том, что в настоящий момент эта доля составляет 30%. О положительном отношении к иностранным фирмам в 2005 году говорили лишь 13% россиян, и за последние годы эта доля выросла почти вдвое (24%). Таким образом, подтверждается сделанный выше вывод о том, что модернистское отношение к собственности получает все большее распространение среди населения страны.

Если же говорить о роли государства в социальной сфере, то здесь россияне также склоняются к тому, что эта роль должна быть достаточно значима. Однако это отнюдь не стремление к общей «уравниловке» – наибольшую долю сторонников получает такая модель взаимоотношений государства и населения, когда государство обеспечивает всем определенный минимум, а остального граждане добиваются сами (см. табл. 5).

Вариант модели, когда государство обеспечивает всем определенный минимум, а остального все добиваются самостоятельно, распространен во всех группах населения, в том числе и наиболее благополучных. Однако среди тех, кто считает, что их жизнь в настоящий момент складывается плохо, наиболее распространенным вариантом выступает

обеспечиваемое государством полное равенство всех граждан. Это же характерно для наиболее пожилой когорты – тех, кто старше 60 лет. Но такая ситуация – это не столько завышенные патерналистские ожидания россиян, сколько реакция на сложившуюся реальность. Так, желание большей поддержки от государства чаще выражают те, кто отмечает, что без поддержки государства им и их семье прожить сложно.

Таблица 5

Желаемая россиянами роль государства в социальной сфере, %

<i>Суждения</i>	<i>%</i>
Государство вообще не должно вмешиваться в жизнь граждан, каждый должен рассчитывать только на себя	4
Государство должно помогать лишь слабым и беспомощным	16
Государство должно обеспечить всем гражданам определенный минимум, а кто хочет получить больше, должен добиваться этого сам	46
Государство должно обеспечивать полное равенство всех граждан (имущественное, правовое, политическое)	34

Запрос к государству на обеспечение определенного минимума для всех граждан был наиболее распространенным ответом и в 2004 году. Тогда его отмечали более половины населения (53%). Треть россиян, как и сегодня, выступала за полное равенство всех граждан (33%). И хотя за последние несколько лет немного возросла доля тех, кто поддерживает помощь государства лишь для слабых и беспомощных (с 11% в 2004 году до 16% в 2010 году), для большинства населения «идеальной» моделью остается обеспечение государством социального минимума для всех граждан при том, что остального они добиваются сами.

Итак, запрос населения к типу социально-экономического развития России во многом неоднороден, что позволяет предположить, что в стране сосуществуют группы населения, различающиеся не только их представлением об оптимальной модели общества и пути развития России, но и своими ценностями, нормами, мировоззрением в целом. Вот почему, для лучшего понимания протекания процессов модернизации в стране на микроуровне и их перспектив, нами был разработан специальный показатель, условно названный «индекс степени модернизованности сознания». Этот индекс учитывал специфику ценностей и норм респондентов в той части, которая отражала некоторые характерные для «modern man» или же представителя обществ традиционного типа особенности миро-

воззрения, и позволял выделить в современном российском обществе две полярные группы – модернистов и традиционалистов. Теоретической базой для разработки этого индекса послужил набор ценностей и норм, доминирующих в обществах традиционного и современного типа, выделенный при анализе эволюции концепции модернизации.

В расчете индекса участвовало 12 индикаторов, отражающих такие особенности мировоззрения эпохи модерна, как ориентация на саморазвитие, свободу и достижения как характерные особенности возникающего в ходе социокультурной модернизации нового типа личности; особенности мотивации к труду; осознание плюрализма интересов индивидов и социальных групп и степень толерантности к этому плюрализму; представление о демократической организации общества как формы согласования плюрализма интересов; преобладание рационально обусловленных действий, прежде всего – в сфере экономических решений; личная ответственность индивида за свою судьбу и внутренний локус-контроль, развитие индивидуализма и нонконформизма; приоритет интересов личности в дилемме личность – общество и формирование понятия прав человека.

За индикаторы, свидетельствующие в пользу модернизированнойности его мировоззрения, респонденту добавлялся 1 балл. В число такого рода индикаторов входили: выбор приоритета интересов отдельной личности по сравнению с интересами государства; выбор приоритета интересной работы над заработком как главной характеристики работы; положительное отношение к конкуренции; выбор равенства возможностей в дилемме «равенство возможностей или равенство доходов»; стремление выделяться среди других, а не быть как все; готовность к принятию личной ответственности за свое положение; положительная оценка таких человеческих качеств как предприимчивость, инициативность и профессионализм; оценка как значимого инициативности в своей работе; оценка как значимого перспективности своей работы. Респондентам засчитывалось по -1 баллу, если они придерживались традиционалистских взглядов, а именно: высказывались против необходимости наличия политической оппозиции в демократическом государстве; выражали желание использовать крупную сумму денег для того, чтобы пожить в свое удовольствие, а не инвестировать ее; высказывали негативное отношение к понятию «различия» в тесте на ассоциации. Далее шкала была укрупнена, что позволило выделить группы модернистов и традиционалистов, а также промежуточную группу, в которой сочетались взгляды, свойственные как традиционали-

стам, так и модернистам, и само существование которой отражало переходный этап социокультурной модернизации, который переживает сегодня российское общество.

По данным 2010 года, доля модернистов по типу сознания составила 23%, доля традиционалистов – 15%. Среди экономически активного городского населения модернистский тип сознания оказался распространен шире – в нем оказалось 30% модернистов и 8% традиционалистов. Отметим, что *по сравнению с 2006 годом произошел рост доли модернистов – тогда среди экономически активного городского населения их было 25% при 13% традиционалистов.*

Нужно отметить, что модернисты и традиционалисты демонстрируют значимые отличия по ряду из тех вопросов, о которых говорилось в данном разделе. Так, идею инновационной экономики в качестве ключевой для модернизации России предлагают 32% модернистов и 12% традиционалистов, а идею обеспечения социальной справедливости – 18% и 40% соответственно. За внедрение новых технологий в качестве меры, способствующей модернизации России, высказываются 40% модернистов и 20% традиционалистов и т.д. Отметим, что при этом по борьбе с коррупцией и обеспечению равенства всех перед законом позиции двух этих групп практически не различаются, т.е. это требования, буквально «выстраданные» всем российским народом.

Говоря о запросе модернистов и традиционалистов к роли государства в жизни общества и развитии страны, нужно отметить, что ожидания их в этом вопросе различаются. В целом, среди модернистов более половины хотели бы видеть большую роль в экономике рынка, и в этом отношении они противостоят большинству населения, а среди традиционалистов – большую роль государства. В то же время, в социальной сфере модернисты хотели бы видеть модель, характерную и для большинства россиян в целом – обеспечение государством определенного минимума для всех, в то время как большинство традиционалистов выступают за обеспечение государством полного равенства всех граждан.

Социальная модернизация в социологическом измерении

Выше мы рассмотрели условия жизни, в которых живут россияне, включая последствия для них экономического кризиса 2008–2009 гг., а также, во многом вытекающий из этих условий, их запрос к стратегии модернизации России. При этом было показано, что позиции людей в от-

ношении такого запроса далеко неоднородны и в современной России есть несколько групп, заметно различающихся между собой по своему мировоззрению, нормам и ценностям. Более того – как мы видели, группы эти массовые, объединяющие десятки миллионов россиян каждая, и в этом плане нынешняя ситуация качественно отличается от той, что характеризовала российское общество еще 50 лет назад. Тогда «инакомыслие», конечно, тоже присутствовало, однако говорить о массовых социальных группах, придерживающихся диаметрально противоположных взглядов на то, «что такое хорошо и что такое плохо» не приходилось.

Во многом столь существенные изменения связаны с происходившим в 50–70-е годы прошлого века быстрым продвижением России по пути социальной модернизации. В этой связи стоит подчеркнуть, что сфера социальных отношений выступает не только одной из важнейших сфер, в которых разворачиваются процессы модернизации, но и создает предпосылки для успешного протекания процессов модернизации в других областях – экономической, социокультурной, культурной, социально-демографической, политической и т.д. Под социальной модернизацией обычно подразумевается:

- формирование классовой модели социальной структуры, означающей смену характерных для доклассовых моделей структуры общества форм социального неравенства и утверждение формального равенства всех перед законом;
- развертывание процессов урбанизации, в корне меняющей образ жизни людей, делающей его более насыщенным и разнообразным и предоставляющей индивиду гораздо больше свободы в выборе моделей и форм поведения как в производственной, так и в досуговой сфере;
- изменение механизмов социального воспроизводства и контроля, замену «неписанного права» (традиций) как ведущего регулятора социальных отношений системой «писанного права» – законами, инструкциями и т.п.

Разумеется, этим основные аспекты социальной модернизации не исчерпываются. Так, в их число входит также всевозрастающая дифференциация общества, плюрализация интересов различных социальных групп, умножение идентичностей и выполняемых индивидами социальных ролей, смена социальных интеграторов, изменение характера межличностных отношений с усилением роли в нем функционально-ролевой составляющей и т.д. Однако нас в первую очередь будут интересовать те

три краеугольных аспекта социальной модернизации, о которых было сказано выше и которые отражают изменение в ходе модернизационных процессов самого типа общества и особенностей его воспроизводства.

На первый взгляд, в соответствующих областях модернизация в России завершилась уже давно. Существование рабочего класса, бизнес-сообщества (класса собственников производства) и так называемого «политического класса» ни у кого не вызывает сомнений. В городах проживает около трех четвертей населения России. Количество законов и инструкций огромно и продолжает расти как снежный ком, как и число различного рода органов и структур, которые контролируют их выполнение.

И все же подобные процессы протекают не так гладко, чтобы можно было уверенно говорить о завершении в стране социальной модернизации. Так, вопрос о формировании в России классовой структуры как ведущей модели социальной структуры до сих пор остается дискуссионным, и даже среди ведущих российских специалистов по нему нет однозначного мнения. Доля сельского населения для индустриально развитой страны в России явно чрезмерна и не меняется почти двадцать лет (с 1989 по 2009 гг. соотношение городского и сельского населения остается равным примерно 73 к 27¹), а число россиян, проживающих в городах-миллионниках, за последние 7–8 лет даже сократилось². Принятые законы «не работают», а правовой нигилизм россиян стал уже притчей во языцех, выступая чуть ли не чертой национального характера и т.д.

Все это диктует необходимость точнее оценить нынешнее состояние и перспективы социальной модернизации российского общества. Первое, что обращает на себя внимание в данной связи в результатах нашего исследования – это то, что, как уже отмечалось выше, ключевая идея модернизации в общественном сознании связывается именно с проблематикой социальной модернизации – 41% всех опрошенных сказали, что этой идеей должно стать утверждение равенства всех граждан перед законом и соблюдение гарантированных Конституцией прав человека. В то же время, формальное равенство всех перед законом, приходящее на смену изначальному неравенству представителей различных сословий, каст и т.д., характерному для немодернизированных, традиционных обществ, является отправной точкой для любой экономически эффективной модели капиталистического развития. И именно в этой области в России *сохраня-*

¹ http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_13/IssWWW.exe/Stg/html1/04-02.htm

² http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_13/IssWWW.exe/Stg/html1/04-18.htm

ются наиболее острые проблемы. Об этом свидетельствует и то, что свыше половины респондентов во всех наших исследованиях из года в год в качестве главного признака демократии называют равенство всех граждан перед законом. Более того, второй по популярности характеристикой демократии выступает независимость суда (43%), что также отражает *чрезвычайную остроту потребности в соответствующих современному этапу развития социальных регуляторах, основанных на праве и равенстве всех перед законом.*

При этом типичное для периода становления капиталистических отношений требование равенства всех перед законом не надо путать с якобы присущей россиянам тягой к уравнительности. Как показывают наши исследования, россияне в своей трактовке равенства устойчиво предпочитают равенство возможностей для проявления способностей каждого равенству доходов, положения и условий жизни (см. рис. 7). Таким образом, равенство они воспринимают скорее в духе меритократических обществ, нежели обществ, построенных на принципах уравнительности.

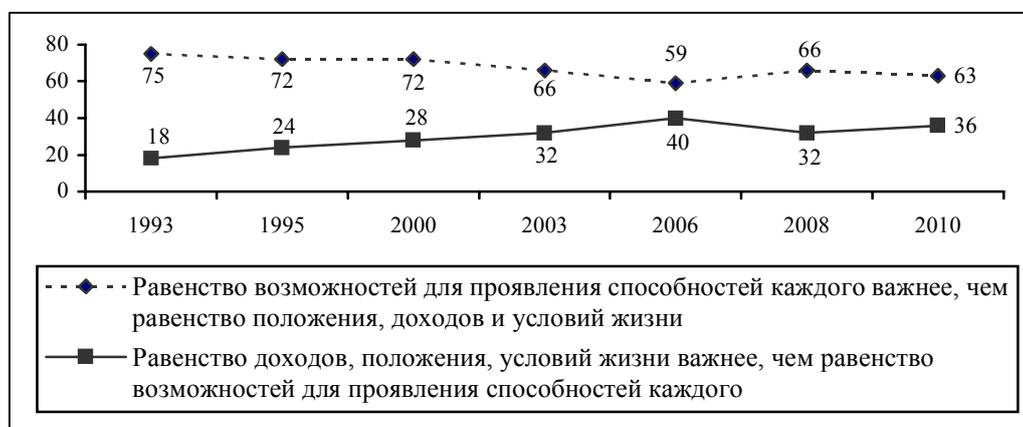

Рисунок 7. Выбор россиян в дилемме «равенство возможностей» – «равенство условий жизни», %¹

Принципиально важно также, что в обществе сохраняется запрос на модель взаимоотношений общества, государства и человека, при которой государство добровольно проводит политику, направленную на общее благо. Этот запрос, который выглядит, на первый взгляд, столь рацио-

¹ На рисунке не представлены затруднившиеся с ответом.

нальным, также является на самом деле следствием и отражением незавершенности процессов социальной модернизации в России. Фактически это результат отсутствия в массовых слоях населения готовности действовать сообща и отстаивать свои интересы. Так, с позицией: «для того, чтобы добиться чего-то важного, следует действовать сообща, вместе с другими, у кого те же проблемы», – из года в год соглашается половина респондентов. И практически столько же (48–50% в разные годы) соглашаются с тем, что отстаивать свои интересы можно, только рассчитывая на свои собственные силы. В результате вместо осуществления каких-либо действий для отстаивания своих групповых интересов большинство населения просто ждет, что государство по доброй воле учтет их пожелания. Это говорит о том, что *пока в России в массовых слоях населения так и не произошло формирования групп интересов.*

В этой связи важно понять, какая «сетка» идентичностей доминирует у россиян и какую роль играют в ней их классовые и иные базовые интересы. Как показывают наши исследования, если говорить об устойчивых самоидентификациях россиян, то есть всего пять видов групп, общность с которыми часто испытывают свыше половины респондентов. Это: товарищи по работе или учебе, люди, разделяющие те же взгляды на жизнь, люди того же поколения и люди той же профессии и рода занятий. Примыкает к ним и самоидентификация с людьми той же национальности, набирающая обычно около 50% голосов. Как видим, ни одна из этих идентичностей не относится к общностям мезо- или макроуровня, связанным с классовыми позициями индивидов.

В то же время, если учесть и те идентичности, которые присутствуют у россиян в качестве ситуационных, и рассмотреть их в динамике, то видно, что в числе наиболее быстро набирающих популярность идентичностей оказываются идентичности с людьми того же материального достатка и близких политических взглядов (23% роста за 15 лет), т.е. идентичности, характерные именно для эпохи модерна.

Более того, свой интегральный социальный статус, свое положение в обществе россияне обычно определяют, исходя именно из материального положения.

Модель структуры российского общества имеет четкое зонирование, отражающее специфику самоощущения своего места в обществе (по 10-балльной шкале) представителями разных социальных слоев: «социальное дно» (1–2 балла), составляющее примерно 10% всех россиян; слой

ниже медианного (3–4 балла), насчитывающий 37% взрослого населения России; медианный слой (5 баллов¹), куда входит еще 27%; слой выше медианного (6–8 баллов), к котором оказалось около четверти всех россиян. При этом прослеживается четкая закономерность – от половины до двух третей всех тех, кто оценивал свой социальный статус определенным баллом, этим же баллом оценивали и уровень своего материального благосостояния.

Россияне в подавляющем своем большинстве при оценке своего статуса исходят из своего материального положения, а не социально-профессиональной или классовой принадлежности. При этом специалисты с высшим образованием, например, оказались «размазаны» по самооценкам своего социального статуса с 1 по 10 ступеньку социальной лестницы (хотя треть из них поставила себя на 5 ступень из 10, и это был максимальный показатель концентрации на какой-то ступеньке социального статуса представителей определенной профессиональной группы).

Не слишком сильно различался и медианный балл социального статуса в различных социально-профессиональных группах, хотя различия среднеарифметического балла в них были более значительны. Это говорит о *глубине неравенств внутри самих социально-профессиональных групп, которые не могут в силу этого стать основой для консолидации и защиты общих интересов их представителей – возможно, интересы различных их подгрупп на деле просто не являются общими.*

Итак, процесс формирования классовой структуры в российском обществе еще далек от того своего этапа, когда формируется классовая идентичность и понимание своих классовых интересов, хотя сам факт наличия разных интересов, причем как индивидуальных, так и групповых, для большинства россиян вполне очевиден и легитимен – две трети их признают невозможность выработать такую стратегию дальнейшего развития, чтобы это устроило всех или почти всех, поскольку интересы людей очень разные, и лишь менее 20% считают, что это возможно. Это намного более широкая распространенность понимания многообразия интересов, существующего в рамках общества, чем в 1995 году – тогда плю-

¹ Учитывая, что на 9 и 10 баллов оценили свое место в обществе в сумме менее 1%, так как представители соответствующих слоев в массовые опросы просто не попадают, и медиана распределения, и средний балл пришлось на позицию в 5 баллов. Однако, для исключения путаницы со средним классом, мы используем здесь понятие медианного слоя.

рализм интересов в обществе осознавал всего 41% россиян, 28% полагали, что не составляет проблемы выработать такую стратегию дальнейшего развития, чтобы это устроило всех или почти всех, а остальные затруднились с ответом. Таким образом, всего за каких-то 15 лет – очень краткий период для столь серьезных подвижек в общественном сознании – доля осознающих плюрализм интересов в обществе выросла в полтора раза и стала составлять весомое большинство населения, а доля не понимающих его в полтора раза сократилась.

Однако, как мы видели выше, не только дифференциация общества, плюрализация интересов составляющих его групп и отдельных индивидов, но даже осознание этой плюрализации не привели пока к осознанию большинством россиян общности своих интересов с интересами конкретного социального класса или иных социальных групп макроуровня и попыткам солидарно отстаивать эти интересы с использованием соответствующих институциональных возможностей. А ведь именно это, собственно, и является основой гражданского общества, которое возникает там и тогда, где и когда осознание плюрализма интересов членов общества доходит до осознания общности собственных интересов с интересами других социальных групп и совместными выступлениями в их защиту. В итоге поведение представителей различных классов, объективное формирование которых также еще не завершилось, до сих пор определяется в России другими факторами. Реальная же социальная дифференциация в восприятии населения проходит пока на поле, определяемом преимущественно двумя осями – материальным благосостоянием и, уже внутри соответствующей группы, отношением к жизни.

Россия является в настоящее время страной, находящейся на индустриальном этапе развития, и о начале перехода к позднеиндустриальному, не говоря уж о постиндустриальном, типу общества, судя по структуре занятости, можно говорить лишь применительно к городам с численностью населения от 250 тыс. человек. Однако и там развитие неиндустриального сектора экономики проходит по весьма своеобразной модели, при которой занятость в силовых структурах оказывается распространена шире, чем в таких современных отраслях, как финансы, страхование, маркетинг, информационные технологии и т.п.

Интересно также, где проходили первичную социализацию нынешние жители российских городов, т.к. именно в детстве человек осваивает определенный тип культуры. Как оказалось, в массе своей горожане про-

шли первичную социализацию в более мелких населенных пунктах, чем те, где они проживали в момент опроса. В целом же свыше трети (37%) совершеннолетних россиян прошли первичную социализацию в селах и лишь четверть – в крупных городах. При этом наблюдается своего рода «волновое движение» от менее крупных к более крупным населенным пунктам, определяющее качественный состав, ценности и нормы жителей поселений разных типов.

Среди прошедших социализацию в условиях городской культуры жителей городов численностью свыше 1 млн. человек, доля модернистов оказалась вдвое выше, а традиционалистов – вдвое ниже, чем среди социализировавшихся в условиях сельской культуры, но переехавших впоследствии в те же мегаполисы. По-разному видят нынешние жители крупнейших городов страны в зависимости от условий их социализации и приоритеты модернизации. 51% выходцев из сел и лишь 29% – из городов в их числе рассматривают, например, в качестве ключевой идеи модернизации обеспечение социальной справедливости.

Эти примеры можно было бы множить, но уже и из сказанного понятно, что *мировоззрение жителей одних и тех же населенных пунктов существенно зависит от того, в условиях какой культуры – сельской или городской – они выросли. То же самое в полной мере можно отнести и к их поведению.* Так, выходцы из сел, проживающие ныне в городах разных типов, в 56% случаев поддерживают соседские сети общения, причем даже в мегаполисах этот показатель составляет около 60%. Те же, кто прошли первичную социализацию в городах, характеризуются соседскими сетями общения лишь в 43% случаев, при этом для городов с численностью от 500 тыс. жителей и выше, где, как отмечалось выше, относительно велика доля горожан хотя бы второго поколения, этот показатель не превышает трети.

Принципиально различны у них и общие поведенческие стратегии. Так, если носители городской культуры в крупных городах склонны планировать свои действия, хотя временной горизонт может у них при этом различаться довольно существенно, то прошедшие первичную социализацию в условиях сельской культуры склонны «жить как живется», не планируя свою жизнь и ничего не загадывая «наперед».

Не удивительно при таких различиях во временном горизонте, что в этих группах было принципиально разное отношение к своему человеческому капиталу, хотя различия в долях лиц с высшим образованием в со-

ставе этих групп были невелики – 32% выходцев из сел и 39% – из городов имели в городах-миллионниках высшее образование. Несмотря на это, никак не пополняли свои знания за последние 3 года перед опросом 73% выходцев из сельской местности и лишь 40% потомственных горожан. Качественно различается у них и включенность в информационные технологии – 61% выходцев из сел и лишь 27% из городов вообще не пользуются компьютером, а для интернета соответствующие показатели составляют 68 и 32%.

Итак, в России потомственные носители городской культуры, в точном соответствии с классическими канонами концепции модернизации, и в отношении своих ценностей и установок, и в отношении своего поведения демонстрируют гораздо бóльшую приверженность воззрениям, характерным для обществ модерна. В этом отношении при оценке готовности российского общества к модернизационному рывку принципиально важны остановка в развитии урбанизационных процессов и огромная доля горожан первого поколения в составе жителей российских городов, о которых говорилось выше.

Особенно тревожными в этом контексте являются тенденции, препятствующие дальнейшему распространению полноценного городского образа жизни даже среди жителей средних и крупных городов нашей страны. Мы имеем в виду пресловутое подсобное хозяйство. Землю имеют сейчас в собственности 45% населения страны при 27% проживающих в сельских населенных пунктах (кстати, как будет показано ниже, это «пересекающиеся множества» – далеко не все сельчане владеют землей, и, одновременно, довольно много владеющих ею горожан).

Интересно, что имевшее место в советское время укрупнение сел с ростом числа сельских населенных пунктов с застройкой их 3–5-этажными многоквартирными домами привело *вместо распространения городского образа жизни в селах к смешению традиционного сельского и традиционного городского образа жизни.*

При сравнительной неразвитости сети автомобильных дорог и транспортной системы в целом, а также при бедности возможных видов производственной и досуговой деятельности в современных российских селах, разложение традиционного сельского образа жизни не ведет к утверждению в российских селах городского образа жизни, а приводит лишь ко все большей маргинализации значительной части сельского населения. И, в этом смысле, уход от характерной для традиционных, докапи-

талистических обществ сельской культуры отнюдь не означает утверждения в современной России норм городской культуры.

Рассмотрим теперь, как протекает в российском обществе изменение механизмов социального воспроизводства и контроля, замена традиций («неписанного права») как ведущего регулятора социальных отношений системой «писанного права» – законами, инструкциями и т.п. Прежде всего отметим в этой связи, что в настоящее время в России нет главной предпосылки успешности такой замены – доверия к тем механизмам, которые обеспечивают реализацию регуливающей роли «писаного права», т.е. судебной и правоохранительной системам. Россияне не верят судебной системе страны (доверяют ей лишь 19%, а не доверяют – 53%¹). Еще хуже картина с доверием правоохранительным органам (милиции и органам внутренних дел доверяет лишь каждый пятый россиянин при том, что не доверяет им почти 60% населения). И хотя эта картина выглядит сейчас лучше, чем несколько лет назад, эти изменения не столь значительны, чтобы можно было всерьез говорить об изменениях в данной сфере.

При этом тот факт, что в стране до сих пор не обеспечено равенство всех перед законом, является для россиян еще одним весомым аргументом в пользу их достаточно скептического отношения к самому закону как ведущему социальному регулятору. Во всяком случае, доли считающих, что хорошие руководители для России важнее, чем хорошие законы, и приверженцев прямо противоположного мнения практически равны. В то же время, и это очень важно, результаты наших исследований свидетельствуют о том, что *в России постепенно растет понимание роли и значимости эффективного законодательства и роли «хороших законов» в жизни общества.*

Доля сторонников важности прежде всего хороших руководителей уменьшилась за последние годы незначительно (на 3%), т.е. фактически в пределах статистической погрешности. Однако при этом значительно, почти на 10% (т.е. на четверть в относительном выражении), выросла доля сторонников важности хороших законов. Этот рост прошел за счет тех, кому еще недавно сложно было определиться со своим выбором в подобном вопросе.

Учитывая, что речь идет о сравнительно коротком временном периоде, такой рост свидетельствует о достаточно быстрой перестройке

¹ Остальные затруднились ответить на этот вопрос.

общественного сознания в данной области. Об этой же тенденции свидетельствуют и более длинные временные тренды, отражающие динамику в отношении к закону и распространенность правового нигилизма среди россиян, за последние 15 лет. Практически по всем позициям, отражающим отношение россиян к закону, за последние 15 лет произошли изменения, свидетельствующие об уменьшении их правового нигилизма и росте готовности воспринимать «писаное право» как социальный регулятор». И хотя группа считающих, что не так важно, соответствует что-либо закону или нет – главное, чтобы это было справедливо, по-прежнему самая многочисленная (не согласны с этим 29% при 20% в 1995 году, и большая группа респондентов затруднилась сделать выбор в этой дилемме), все же впервые за время наблюдений она стала составлять менее 50%, сократившись примерно на четверть в относительном выражении. Сократилась и доля увязывающих необходимость соблюдать закон с тем, насколько законопослушны представители органов власти. Зато выросла доля тех, кто полагает, что всегда и во всем следует соблюдать букву закона, даже если закон уже устарел или не вполне соответствует сегодняшним реальностям.

Тем не менее, несмотря на все эти изменения, отражающие ярко выраженный запрос россиян на то, чтобы закон как социальный регулятор наконец заработал, *наши сограждане и в настоящее время остаются в массе своей сторонниками «консенсусной» модели законопослушания, предполагающей, во-первых, что нормы закона обязательны для всех и только в этом случае они их готовы соблюдать, а во-вторых, что эти нормы прошли моральную легитимизацию, т.е. соответствуют их представлениям о социальной справедливости.*

Ярким свидетельством в пользу такой интерпретации полученных данных выступает отношение к необходимости выполнять распоряжения руководителей независимо от того, убежден ты в их правоте или нет. Хотя доля убежденных в том, что руководителям нужно подчиняться, только если ты в целом согласен с их требованиями, выросла за последние 15 лет на 4%, свыше двух третей работающих по-прежнему к этому не готовы. Это означает, что *саботаж распоряжений «начальства», еще со времен крепостного права являющийся основным способом борьбы за свои интересы в России, имеет определенную и четко артикулированную подоплеку – убеждение, что делать надо только то, с чем ты согласен. Причем это убеждение является некоей общей социокультурной нормой,*

поскольку его разделяют (в среднем примерно в двух третях случаев) даже предприниматели, имеющие наемных работников, и руководители разных уровней. Вряд ли можно в этих условиях ожидать укрепления технологической дисциплины, столь важной для модернизации российской экономики и развития высокотехнологичных отраслей.

При этом неважно, где прошла первичная социализация людей, где они живут в настоящее время, а также их пол, образование, профессиональная принадлежность, общая оценка своей ситуации на работе, стиля руководства на ней и т.д. Не слишком сильно влияет на распространенность этой нормы и реальный характер отношений с «начальством» – среди считающих их плохими готова выполнять все распоряжения руководства лишь четверть респондентов при показателе в 30% по остальным работающим и в 35% по пенсионерам. Относительно более значим в этом отношении общий психологический климат в коллективе – там, где его оценивают как плохой, лишь 19% готовы выполнять распоряжения руководства в любом случае.

Слабую статистическую значимость с готовностью выполнять распоряжения руководства продемонстрировала также занятость в различных отраслях. Даже в армии, правоохранительных и других силовых структурах лишь половина считает, что распоряжения руководства надо выполнять в любом случае, а остальные сотрудники силовых структур убеждены, что надо выполнять лишь те распоряжения, с которыми они согласны. Вряд ли нужно объяснять, чем может обернуться столь ярко выраженный правовой нигилизм «человека с ружьем».

Однако *постепенно формируются предпосылки для того, чтобы на место «вольницы» где каждый делает лишь то, что хочет и с чем он согласен, пришли нормы и модели поведения современных обществ с их уважением к закону, эффективно работающей судебной системой и умением отстаивать свои групповые интересы в рамках предложенных институциональных форм.* Об этом свидетельствует не только уже не раз упоминавшийся выше запрос россиян на активизацию закона как социального регулятора, тем более, что все альтернативные формы социальных регуляторов уже прекращают свое существование, но и динамика восприятия россиянами свободы. Очень медленно, но неуклонно в российском обществе идет процесс вытеснения понимания свободы как «воли», анархического восприятия ее как «свободы от...» (общества, начальства, многочисленных долженствований, вытекающих из различных со-

циальных ролей) ее современным пониманием как «свободы для...», т.е. возможности защищать свои интересы в рамках предусмотренных законом прав и свобод. Так, если 15, и даже 10 лет назад в двух альтернативных определениях свободы («Свобода – это возможность быть самому себе хозяином» и «Свобода человека реализуется в его политических правах и свободах») соотношение выборов в пользу первого и второго составляло 65:35, то сейчас – 60:40.

Социокультурная модернизация: оценка этапа и перспектив

Важнейшей стороной оценки возможности нашей страны ответить на вызовы времени и осуществить очередной модернизационный рывок является оценка этапа социокультурной модернизации, который она сейчас переживает. За этой академической формулой стоят на первый взгляд простые, но весьма принципиальные вопросы: что представляет собой население страны с точки зрения присущих ему норм и ценностей? И насколько последние могут способствовать или препятствовать реализации модернизационных инициатив руководства России?

Частично мы уже пытались ответить на эти вопросы в предшествующих разделах доклада, зафиксировав в социальном мировоззрении россиян выраженные пласты социокультурной архаики, восходящие к укладу жизни так называемых традиционных обществ. К таким компонентам их мировоззрения относится и специфическое понимание россиянами собственности, и их отношение к природным условиям своего существования – земле, воде, заключенным в недрах земли полезным ископаемым и т.д., и сохраняющийся у большинства из них правовой нигилизм, и очень небольшой временной горизонт жизненного планирования, и многие другие особенности их мировоззрения, о которых шла речь выше.

Однако понятие социокультурной модернизации гораздо шире, чем преодоление этих особенностей, в той или иной степени характерных для представителей всех традиционных обществ. Под социокультурной модернизацией подразумевается обычно *формирование новых систем ценностей, включая рост роли достигательных ценностей, распространение индивидуализма и мотивации успеха, а также формирование нового типа мышления – рационального, что, в совокупности, создает базу и для формирования новых социальных институтов*. Так сформировался ли в современной России пресловутый *modern man*? И если да, то что он собой представляет? А если нет, то что именно мешает его успешному формированию?

Чтобы ответить на эти вопросы, начнем с отправной точки сознания человека традиционных обществ – приоритета интересов общности над интересами личности и обусловленного во многом именно этим конформизма. Судя по нашим данным, *ни о каком «победном» шествии ценностей индивидуализма в российском обществе говорить пока не приходится, хотя отношение к индивидуализму у россиян весьма толерантное, и понятие «индивидуализм» вызывает положительные ассоциации у 61% из них.*

Об этом свидетельствует, в частности, динамика распространенности индивидуалистических ценностей в смысле конформизма, стремления быть яркой индивидуальностью. Весь период реформ соотношение конформистов и неконформистов сохранялось примерно одинаковым. Хотя небольшой всплеск неконформистских настроений в начале реформ 1990-х годов и характерного для той поры ощущения безграничной свободы наблюдался, однако он быстро сменился ростом идеологии «не высывайся».

Однако в самые последние годы тренд снова поменялся, что, видимо, связано со вступлением во взрослую жизнь все большего числа людей, выросших уже в новых условиях. И дело не только в том, что традиционно характерный для молодежи неконформизм в последние годы усилился (доля неконформистов в группе до 30 лет, составлявшая в 2003 году 60%, к 2010 году выросла до 65%), но и в заметном росте неконформистских настроений в средних возрастных когортах при одновременном усилении конформизма старших возрастных групп.

О неоднозначном характере социокультурной модернизации в России, идущей в маятниковом режиме, свидетельствует и отношение россиян к тому, чьи же интересы должно защищать государство – отдельного человека или общества в целом. Убеждены в том, что государство должно всегда отстаивать интересы народа перед интересами отдельной личности почти 60% россиян, не согласны с этим – 19%, а остальные не смогли четко определить свою позицию по данному вопросу. На первый взгляд, картина эта выглядит достаточно мрачной, создавая легитимную основу для авторитарного государства. Однако еще десять лет назад, в 2001 году, эта картина выглядела значительно хуже – тогда соотношение закрепляющих за государством право говорить от интересов общества в целом и тех, кто считал его задачей гарантию прав человека было 6:1, а не 3:1. И хотя доля первых была несколько меньше, чем сейчас (52%, а не 59%),

зато и доля вторых уступала нынешней в 2 с лишним раза. Таким образом, та часть россиян, которая тогда не смогла определиться с ответом на этот вопрос, в большей степени оказалась склонна выбирать в настоящее время государство, которое будет защищать интересы каждого конкретного человека, а не некой абстрактной общности.

Судя по всему, общее, хотя и не вполне однозначное, улучшение картины в этой области, как и в случае с индивидуалистическими ценностями, связано со вступлением во взрослую жизнь все новых возрастных когорт, выросших уже в условиях рыночной экономики и относительной легитимности понятия прав человека. Во всяком случае, не согласны с тем, что государство всегда должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельной личности, 22% в возрастной когорте до 30 лет и 15% тех, кому «за 60», хотя статистическая связь с возрастом этой позиции достаточно слабая.

Тем не менее, как видим, и до сих пор для большинства россиян государство выступает как инструмент реализации интересов макрообщности – народа, и именно его интересами как целого и должно оно руководствоваться в своей деятельности, как, впрочем, и любой человек, что, как уже отмечалось выше, связано с незавершенностью процессов социальной модернизации. Для россиян не те или иные группы индивидов должны в борьбе друг с другом уметь отстаивать свои интересы, а государство, как выразитель общих интересов, должно, принимая во внимание интересы различных субъектов, на базе общественного консенсуса проводить политику, направленную на благо народа как единой общности. Именно в силу права и долга государства представлять интересы этой общности, граждане, партии и т.п. должны проявлять к нему максимальную лояльность, а в представлениях многих россиян – и признавать его право вмешиваться в их жизнь, если это нужно для общества в целом, даже если подобное означает нарушение их гражданских прав.

Право человека отстаивать свое мнение даже в том случае, если большинство придерживается иного мнения, выступает нормой в глазах подавляющего большинства россиян. Но это право для россиян означает, скорее, право “быть услышанными”, а не необходимость для государства руководствоваться интересами личности в противовес интересам общества. Не случайно практически половина россиян убеждена в том, что государство обязано выступить гарантом интересов именно общества, а не личности, и должно отстаивать интересы всего народа перед

интересами отдельной личности. И лишь около трети населения либо не согласны с этим, либо согласны лишь отчасти.

Тем не менее, в целом *можно констатировать заметный сдвиг за последние 12 лет в сторону характерных для мировоззрения модерна норм.* В общественном сознании еще сильнее стало убеждение, что человек должен иметь право отстаивать свои взгляды, даже если большинство придерживается иного мнения (лишь 9% с этим не согласны, а остальные затруднились с ответом), что каждый гражданин в любой ситуации имеет право отстаивать свои интересы при помощи забастовок и демонстраций (доля несогласных – 18%), и что настоящая демократия невозможна без политической оппозиции (доля несогласных – 15%). Кроме того, сократилась, и весьма заметно, доля сторонников всевластия государства, легитимности его права влиять на правосудие и ограничивать свободу прессы.

Однако все вышесказанное касается лишь долгосрочного (12 лет) тренда изменений в умонастроениях россиян. Что же касается вектора этих изменений на более коротких временных отрезках, то за это время он поменялся дважды. Первый период ознаменовался ренессансом доверия к государственной власти с приходом к руководству страной В.В.Путина. Второй связан с утратой прежней эйфории под влиянием всенарастающей коррупции государственного аппарата и «холодного душа» экономического кризиса 2008–2009 гг., приведшего к утрате населением России многих иллюзий.

Учет новой властью ожиданий общества, в отличие от ситуации в эпоху Б. Ельцина, способствовал расширению делегирования ей права действовать, руководствуясь интересами государства, а не действующими в стране законами. Такое расширение сторонников всевластия государства связано не с укреплением этакратической модели как таковой, а просто с ростом доверия россиян к политической элите и прежде всего лично В.В.Путину – тогдашнему президенту страны, а также, что падение уровня доверия к ним автоматически повлечет за собой и делегитимизацию данной модели. Именно это и произошло в последние годы. И хотя личный рейтинг и В.В.Путина, и Д.А.Медведева все еще достаточно высок, но из-за чудовищной коррупции государственного аппарата, болезненно воспринимаемой россиянами, а также утраты в результате экономического кризиса большинством россиян иллюзий о дальнейшем автоматическом улучшении своего положения, государство утратило тот мандат доверия, которое выдало ему население в предкризисный период. В резуль-

тате вектор общественных настроений изменился, не просто «качнувшись назад», но и далеко проскочив при этом ту точку, в которой он находился в начале лета 1998 г.

Что касается самой модели системы социальных отношений, в которой они хотели бы жить и которую воспринимают как норму, то это не жестко тоталитарная или авторитарная модель, а «смягченный» ее вариант, предполагающий право людей не просто свободно высказывать свое мнение, но даже настаивать на нем с помощью забастовок и демонстраций. Единственное, что может служить основанием, да и то отнюдь не безусловным, для ограничения этого права – это угроза общественному порядку. Дело же оппозиции, которая обязательно должна быть и в рамках такой модели – не конкурировать за власть, а контролировать правильность поведения «власти» в отношении соблюдения ею общественных интересов и помогать ей в этом главным для всех деле.

Эта модель в ее современном российском варианте уже не предполагает безусловной и безоговорочной жертвенности со стороны рядовых членов общности. Она *носит консенсусный характер и предполагает, что каждая из сторон выполняет свои обязательства только в том случае, если их выполняет другая сторона*. Главные функции государства в рамках этой модели – не только адекватно выражать текущие и стратегические интересы макрообщности, но и заботиться о минимальных текущих нуждах членов общности. Последовательная реализация этих функций – основа всей этой системы отношений, легитимности власти государства и встречной готовности граждан выполнять требования власти, их «послушания», что в целом укладывается в систему патерналистских отношений в их патрон-клиентской форме. Запрос же на принятие государством на себя ответственности в рамках этих отношений напрямую связан с прагматической оценкой россиян своей способности самостоятельно решить свои проблемы.

Вот почему, оценивая этап и динамику социокультурной модернизации России на микроуровне, следует отметить также, что в ней доминируют *характерные для традиционалистского сознания установки на зависимость от внешних по отношению к самому человеку обстоятельств, повлиять на которые он не может*.

То, что выявлено – *принципиально иная модель, нежели существующая в Западной Европе, где государство заботится не об абстрактном “благе народа”, а выступает гарантом интересов и прав человека в*

его взаимоотношениях с обществом, создавая благоприятные условия для его собственной активности и предоставляя ему все инструменты для защиты своих индивидуальных и групповых интересов. Такая модель взаимоотношений государства и личности, имеющая в качестве отправной точки общность, относится к числу архаических моделей. Однако это не означает автоматической тяги к тоталитарному обществу. Легитимно для россиян будет только такое государство, которое будет соблюдать не свои интересы как государства, воплощенного в определенном государственном аппарате, а интересы общности, отражаемой понятием “народ”. И только законы такого государства население признает справедливыми и готово будет соблюдать.

Мы вновь убеждаемся в устойчивости традиционалистской модели приоритетов, где легитимность интересов отдельной личности весьма проблематична, а ведь именно из этой легитимности и вытекает лежащая в основе современных демократий идея прав человека. В свете этого становится понятно, почему идея прав человека, уже давно ставшая аксиомой во всех развитых странах (хотя сами эти права далеко не всегда соблюдаются и в них) так плохо прививается на российской почве.

Итак, значимость интересов отдельного человека для россиян не слишком легитимна, даже если речь идет лично о них и их собственных интересах. Однако при этом в массе своей они будут ориентироваться все-таки не столько на интересы коллектива, общества и государства, сколько на интересы своей семьи. Приоритетность происходящего в семье для большинства россиян носит безусловный характер и значительно перевешивает то, что происходит в «большом» мире.

Для подавляющего большинства населения наиболее значимыми и важными жизненными планами являются те из них, которые связаны с семьей, друзьями, желанием прожить свою жизнь честно и не хуже других, получить хорошее образование, интересную и престижную работу. Эти цели не противоречат друг другу и образуют достаточно гармоничную модель жизни, с разных сторон отражающую микромир человека, ту повседневную реальность, с которой он сталкивается каждый день.

Конечно, в различных группах есть свои нюансы жизненных установок. Так, «честно прожитая жизнь» в иерархии жизненных стремлений старшего поколения делит первое-второе место с семьей с показателем в 98%, в то время как у молодежи до 30 лет оно присутствует только у 94%.

Однако еще 10 лет назад молодежь декларировала наличие этого стремления вообще лишь в 84% случаев, так что можно говорить скорее о восстановлении в этом отношении традиционной российской модели идеальной жизни, чем об углублении разрыва в этом вопросе между поколениями. Кроме того, система жизненных ценностей значительно различается в разных по уровню благосостояния группах (для имеющих низкий уровень дохода основными являются ценности семьи и спокойная совесть, а для имеющих высокий уровень благосостояния – интересная работа и другие достижительные мотивации). И, тем не менее, *во всех группах существует общий каркас основных ценностей, который не только выполняет интегрирующую роль в обществе, но и позволяет говорить о том, что ценностная система россиян весьма устойчива и далека от идеала "американской мечты"*. Так, интересная работа устойчиво входит в число лидирующих ценностей, обгоняя значимость любых материальных факторов, а известность, власть, карьера – устойчивые аутсайдеры ценностного мира населения России.

И этот импульс – интерес к самому содержанию выполняемой работы. Это означает, что россиянам заведомо бесполезно конкурировать с Китаем и «азиатскими тиграми» в области конвейерных производств, это явно не наша сильная сторона. Зато в наукоемких технологиях, в индивидуальном, а не в серийном производстве, россияне при определенных условиях могли бы быть вполне конкурентоспособны на мировом рынке.

Однако возможности этого ресурса не стоит преувеличивать, поскольку сами по себе рыночные отношения и активное насаждение ценностей общества потребления ведут к *постепенному падению для россиян ценности интересной работы*. Работа «на дядю» (пресловутый «отчужденный труд») или труд без четко выраженной и понятной связи выполненной работы и полученного вознаграждения не может не вызывать сдвигов в пользу сугубо инструментального к ней подхода, восприятия ее прежде всего через призму приносимой ею материальной отдачи.

Как видим, проблема не только в том, что заработок все чаще рассматривается россиянами как главное в работе (подчеркнем – не просто в их собственной работе, а как та норма, которой вообще надо руководствоваться при оценке работы) среди рабочих и предпринимателей, но и в том, что специалисты и руководители также стали все чаще разделять эту норму. А вот это уже серьезная проблема для успешного продвижения по пути инновационной экономики.

Таблица 6

**Выбор россиян в альтернативных парах ценностных суждений,
1995/2010, %**

<i>Альтернативные ценностные суждения</i>	<i>1995</i>	<i>2000</i>	<i>2010</i>
В своей жизни человек должен стремиться к тому, чтобы у него была спокойная совесть и душевная гармония	93	94	80
В своей жизни человек должен стремиться к тому, чтобы у него были доступ к власти, возможность оказывать влияние на других	7	6	20
В жизни главное – хорошие семейные и дружеские отношения	91	92	82
В жизни главное – общественное признание и успех	9	8	18
Мне нравятся перемены, нравится жить в постоянно обновляющемся мире ¹	*	59	58
Все перемены обычно происходят к худшему, пусть лучше все остается таким же, как и прежде	*	41	42
Главное – это уважение к сложившимся традициям, обычаям, следование привычному, принятому большинством	*	51	57
Главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, готовность к риску оказаться в меньшинстве	*	49	43

Кроме того, одного интереса к работе для эффективной деятельности в условиях современной глобальной экономики недостаточно. Необходима также мобильность, инновационный настрой, готовность к постоянному обновлению и т.д. В ходе данного исследования мы попытались проверить, в какой степени достижительные мотивации, готовность к переменам, стремление к развитию и обновлению и т.п. присутствуют у россиян как некие общие нормы, а не просто собственные жизненные цели. Как видно из таблицы 6, ценности власти и успеха стали за последние 15 лет заметно популярнее у россиян, хотя социокультурной нормой для них продолжают оставаться ценности частного мира и душевной гармонии. При этом ориентация на инновации, поиск нового

¹ В 1995 году эта и следующая ценностная пара отсутствовали в инструментарии исследования.

скорее даже сокращается на фоне не меняющегося отношения к переменам. Таким образом, в современной России сложилась парадоксальная картина – достижительные мотивации в ней, хотя и медленно, но распространяются все шире, а распространения являющегося их естественной предпосылкой в обществах модерна установок на инициативу, предприимчивость, инновационность и т.д. не фиксируется.

Таблица 7

Выбор россиян в дилемме «главное – следование привычному» – «главное – это поиск нового», 2007/2010, %

<i>Альтернативные суждения</i>	<i>16–25 лет</i>	<i>2–35 лет</i>	<i>36–45 лет</i>	<i>46–55 лет</i>	<i>56–65 лет</i>
2007					
Главное – это уважение к сложившимся традициям, обычаям, следование привычному, принятому большинством	37	44	55	55	65
Главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, готовность к риску оказаться в меньшинстве	63	54	45	45	34
2010					
Главное – это уважение к сложившимся традициям, обычаям, следование привычному, принятому большинством	34	52	53	62	68
Главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, готовность к риску оказаться в меньшинстве	66	48	47	38	32
2010					
	<i>Модерни- ты</i>	<i>Проме- жуточ- ные</i>	<i>Традицио- налисты</i>		
Главное – это уважение к сложившимся традициям, обычаям, следование привычному, принятому большинством	33	58	86		
Главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, готовность к риску оказаться в меньшинстве	67	42	14		

Тем не менее, оценивая ценностно-нормативные предпосылки наличия в общественном сознании внутренних импульсов для развития страны, можно констатировать, что в нем и до сих пор преобладает ориентация на перемены, мобильность, а не на консервацию окружающей действительности. После двух десятилетий непрерывных изменений, когда, казалось бы, так естественно было желать «успокоения», почти 60% россиян все же

говорят о том, что перемены им нравятся. И хотя роста соответствующих установок не наблюдается, это очень высокий показатель, позволяющий говорить о том, что *ресурс социальной инновации в российском обществе отнюдь не исчерпан и при разумной позиции власти дальнейшее движение по пути реформ будет поддержано обществом*. Подтверждает социальный динамизм большей части россиян и анализ «коллективного бессознательного». Практически по всему блоку понятий, семантически соотносимых с движением, развитием, социальной мобильностью («эффективность», «темп», «модернизация», «риск», «будущее», «наука» и др.), в ходе исследования было получено заметное превышение симпатий над антипатиями.

В то же время соотношение социально динамичных и ориентированных на социальную пассивность групп в различных возрастных когортах, а также среди традиционалистов и модернистов разительно различается (см. табл. 7). При этом во всех возрастных когортах старше 25 лет в последние годы идет плавная потеря динамического потенциала. Это позволяет надеяться на усиление динамического потенциала России только в случае расширения в составе ее населения группы модернистов.

Рисунок 8. Выбор россиян в дилемме «свобода – это то, без чего жизнь теряет смысл» или «главное в жизни – материальное благополучие», %

В условиях все еще сохраняющейся у большинства россиян подсознательной готовности к попыткам найти (точнее – нащупать) оптимальный путь развития, вряд ли можно удивляться относительной социальной стабильности в обществе не только в последние 20 лет, но и на протяжении значительной части XX века. Для обеспечения этой стабильности, впрочем, немалое значение имела также особая роль свободы в ценностной системе россиян – роль, при которой, даже несмотря на тяжелейшие материальные испытания, выпавшие на их долю, они видели в

принесенных реформами начала 1990-х годов свободах достаточно значимую компенсацию материальных лишений. Во всяком случае, для большинства россиян свобода все годы реформ была важнее, чем материальное благополучие (см. рис. 8). В то же время общий тренд за последние 15 лет позволяет говорить о развитии негативных для перспектив модернизации тенденциях и об относительном росте числа приверженцев материалистической ориентации в ущерб ценности свободы.

При этом стоит отметить, что *понимание свободы у россиян не совпадает с характерным для обществ модерна его пониманием и отражает незавершенность процессов социокультурной модернизации в российском обществе*. Так, 60% россиян убеждены, что свобода – это возможность быть самому себе хозяином («воля»), и лишь 40% полагают, что это набор определенных политических прав и свобод. И хотя процессы модернизации в этой области общественного сознания идут (в 1993 году, например, свободу как возможность быть самому себе хозяином трактовали 67% россиян), но движение это сравнительно медленное. Отметим в этой связи также, что понимание свободы не демонстрирует значимой статистической связи с ее ценностью для человека, хотя среди сторонников понимания свободы как совокупности политических прав и свобод чуть чаще (59% против 54%) встречаются приверженцы приоритетности свободы по отношению к материальному благополучию.

Учитывая как остроту потребности в равенстве и свободе, так и особенности восприятия их россиянами, посмотрим теперь на выбор наших сограждан в вопросе о том, в обществе социального равенства или индивидуальной свободы они предпочли бы жить. Общество с приоритетом индивидуальной свободы (т.е. американскую модель развития общества) предпочитают в настоящее время 33% россиян, в то время как в обществе социального равенства хотели бы жить две трети всего населения России. Однако это свидетельствует отнюдь не о малой значимости для них свободы (роль которой, как уже отмечалось выше, для них весьма велика), а *о близости их приоритетов в этом вопросе скорее к западно-европейской, чем к американской культуре, а также об остроте проблемы равенства в российском обществе*. Причем картина распределений россиян в данном вопросе очень устойчива (см. рис. 9), и даже среди модернистов ровно половина предпочитает жить все-таки в обществе социального равенства, а не индивидуальной свободы.

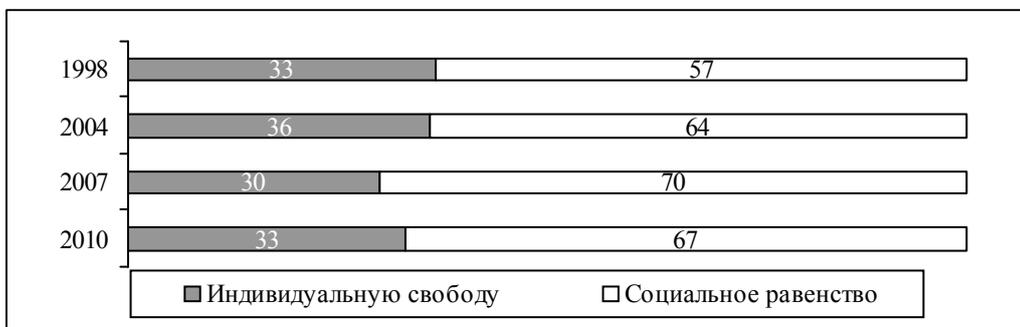

Рисунок 9. Динамика доли выбирающих индивидуальную свободу или общество социального равенства, 1998/2010¹, % от сумевших определиться с выбором

Причем наиболее важными дифференцирующими признаками выступает в дилемме «общество индивидуальной свободы – общество социального равенства» возраст. Однако даже в возрастной когорте до 30 лет доля сторонников общества индивидуальной свободы меньше, чем сторонников общества социального равенства. Более того, – даже среди тех, кто моложе 21 года, число сторонников общества индивидуальной свободы не превышает половины. Это значит, что в данном случае мы имеем дело с определенным культурным феноменом, отражающим специфическое видение россиянами приоритетов и моделей общественного развития.

Значимыми оказываются в этом вопросе также социально-профессиональная принадлежность и тесно с ней связанный образовательный уровень. Приоритет общества индивидуальной свободы отчетливо фиксируется только в двух социально-профессиональных группах: 1) у студентов вузов, и в этом отношении они отличаются от своих сверстников, не являющихся студентами, и 2) у предпринимателей, имеющих наемных работников. Несколько выше, чем в среднем, доля сторонников общества индивидуальной свободы также у специалистов с высшим образованием, но в этой группе она все же меньше половины. При этом чуть выше (42%) этот показатель у гуманитарной интеллигенции, особенно работающей в сфере финансов (54%), и чуть ниже (38%) – у технической

¹ Учитывая особенности выборки исследований, результаты которых сопоставляются на рисунке, данные по 2010 году на нем приводятся по сопоставимому с данными других исследований массиву респондентов, из которого исключены лица старше 65 лет.

интеллигенции. Не слишком важен в этом вопросе и тип поселения, в котором проживают люди, или их уровень благосостояния – даже среди имеющих уровень дохода выше двух медиан большинство (52%) являются сторонниками общества индивидуальной свободы.

В то же время мировоззренческие особенности накладывают на соответствующий выбор весьма ощутимый отпечаток. Среди модернистов сторонниками общества индивидуальной свободы выступают 51%, а среди традиционалистов – 16%. Однако то, что даже мнения модернистов разделились в этом вопросе практически ровно пополам, еще раз свидетельствует – *острая потребность хотя бы в формальном социальном равенстве является не столько признаком “антирыночности” сознания россиян, сколько отражением остроты проблемы равенства в российском обществе, а также специфики российской культуры в самом широком смысле слова, отражением понимания ценностей и целей существования общества и человека.*

Перспективы экономической модернизации страны

Перспективы модернизации экономики определяются в современном мире тремя основными факторами. Прежде всего – это наличие развитого человеческого капитала, который позволяет справляться со сложными заданиями, особенно в условиях автоматизированных и компьютеризированных производств. Второе – это наличие особой технологической культуры (в том числе – привычки к трудовой и производственной дисциплине), необходимой как для успешной работы на сложных высокоточных производствах, так и для создания рациональных конкурентоспособных систем управления. Третье – готовность работать в рамках определенных стилей руководства, стимулирующих постоянное развитие, эффективный рост и внутреннюю самоорганизацию.

Рассмотрим сначала ситуацию с человеческим капиталом. Проблема модернизации современной российской экономики упирается в этом отношении в неоднородность отечественной системы хозяйствования, во многом отражающей неоднородность самого труда в разных сегментах и секторах российской экономики. В этой связи стоит отметить две линии, которые разделяют работающих россиян – *характер труда* (умственный и физический) и *содержание работы* (квалифицированный и неквалифицированный труд). При анализе перспектив экономической модернизации страны про эти две линии необходимо всегда помнить, поскольку они в

значительной степени предопределяют качество человеческого капитала российских работников – а ведь именно последний, как отмечалось выше, является ключевой предпосылкой успешной экономической модернизации в нашей стране. Особенно это разделение заметно, когда речь идет о хозяйственной этике работающей части россиян, которые достаточно лояльно относятся к различным формам девиантного поведения, в том числе – в сфере экономических отношений.

На первый взгляд, судя по данным обследования, проблема состоит прежде всего в низкой технологической культуре российского рабочего класса и фактически процессов люмпенизации, которые имеют место в среде рабочих, особенно – рабочих низкой квалификации. Так, россияне, которые бы не стали осуждать деловую необязательность, чаще всего оказываются именно рабочими низкой квалификации. Среди них относительно чаще можно встретить и людей, которые имеют опыт употребления наркотиков, причем негативные тенденции в этой области в последние годы нарастают. Одного этого уже достаточно, чтобы высказать *опасения относительно перспектив модернизации отечественной промышленности. Фактически, перед страной стоит угроза в массовом масштабе появления в среде рабочих определенного типа личности, которая не просто будет не способна обеспечить на своем рабочем месте процессы модернизации, но и превратится в угрозу для создания благоприятной для человеческого потенциала населения в целом среды проживания в районах концентрации представителей этого типа личности (промышленные центры, села и малые города).*

Однако отнюдь не только рабочие могут вызвать «головную боль» при попытках форсировать модернизационные процессы в современной российской экономике. Волна инициативы «сверху» рискует разбиться об этические основы хозяйственной деятельности в российской экономике и в силу особенностей деловой этики других профессиональных групп. Остро стоят эти проблемы, например, также для работников нефизического труда средней и низкой квалификации. Так, работа пятой части россиян, которые иногда проявляют деловую необязательность, связана с торговлей и простыми услугами. Об отношении же их к коррупции и говорить не приходится – четвертая часть из этих работников прямо признает, что дает взятки, и еще 8% уклоняются от ответа, что заставляет предполагать, что они также это делают, но не хотят об этом говорить.

В то же время специалисты являются оплотом возможности создания такой модели общественных отношений, в которой современная конкурентоспособная экономика могла бы сложиться и успешно развиваться. Они являются единственной профессиональной группой, представители которой в подавляющем большинстве категорически противники таких институтов, как уклонение от уплаты налогов (75%) и коррупция (62%). В то же время предприниматели и руководители, которые, по идее, должны составлять традиционную основу среднего класса, выступая гарантом стабильного развития экономики, являются сегодня самыми активными участниками практик мздоимства и ухода от налогов, что отражает превращение этих практик в российской экономике в норму для всех хозяйствующих субъектов. Недалеко от предпринимателей отстают и руководители всех уровней, 30% которых, даже по их собственному признанию, вовлечены в коррупционные практики. Большинство специалистов хорошо чувствуют эту проблему, поэтому в вопросе о том, что для России важнее – хорошие законы или хорошие руководители – единодушно отмечают «хорошие законы» (58%), понимая, видимо, что дело не в отдельных людях, а в сложившейся институциональной матрице.

Однако, к сожалению, представители не всех профессиональных групп столь прозорливы. Например, рабочие низкой квалификации (1–2 разряда и без разряда) спасение России видят в хороших руководителях (63%), что, скорее всего, является следствием их своеобразного жизненного опыта, отражающего их бесправное положение по отношению к начальству.

Во многом из жизненного опыта различных профессиональных групп вытекает и оценка ими приоритетов развития страны. В этой связи надо отметить, что сейчас есть три главные группы, которые по-разному видят картину того, какая идея должна стать ключевой для модернизации России. Это 1) **специалисты**, выступающие за формирование эффективной инновационной системы; 2) **предприниматели** и самозанятые, видящие краеугольным камнем модернизации расширение возможностей для свободного предпринимательства и развития конкуренции; 3) **рядовые работники торговли и сферы бытовых услуг**, для которых особенно ценна идея социальной справедливости. Стоит отметить, что рабочие не отличаются от средних показателей по работающему населению в целом особой склонностью к той или иной ключевой идее модернизации.

Посмотрим теперь на другие особенности человеческого потенциала российских работников и начнем с главного компонента человеческого капитала – образования, являющегося в современном мире самым значимым ресурсом, структурирующим процесс модернизации разных обществ в условиях перехода к экономике знаний в глобальном масштабе. По этому критерию в российской экономике можно выделить 4 основные группы рабочей силы – 1) управленцы, 2) специалисты, 3) так называемый «конторский пролетариат» и рядовые работники торговли и сферы услуг, 4) рабочие. В настоящее время подавляющее большинство управленцев, особенно руководителей высшего звена (85%) и специалистов (91%) обладают хорошими формальными показателями человеческого капитала (имеют законченное высшее образование).

Рисунок 10. Специфика образования в зависимости от сферы экономической деятельности, % от работающих

При этом, несмотря на то, что среди руководителей среднего и низшего звена велика доля работников со средним специальным и незаконченным высшим образованием (40%), все же типичным для них является высшее образование. Большую роль здесь играет отраслевой и поселенческий фактор – большая часть руководителей со средним специальным образованием занята в лесном и сельском хозяйстве, что делает картину человеческого капитала на селе и в малых городах очень мрачной, особенно если учитывать, что первичный сектор экономики, в котором занято, согласно данным Федеральной службы государственной статистики РФ, около 11% россиян, вообще объединяет в основном людей со средним общим образованием и ниже (см. рис. 10). В целом же качество человеческого капитала российских менеджеров и перспективы повышения эффективности их труда можно оценить весьма скептически, а шансы на модернизацию российского сельского и лесного хозяйства – как стремящиеся к нулю, как, впрочем, и шансы системы ЖКХ и торговли.

Особо следует отметить и проблемы с качеством человеческого капитала в системе государственного управления.

Оценивая модернизационный потенциал российских менеджеров, стоит упомянуть и о том факте, что человеческий капитал управленцев и специалистов значительно влияет на их уровень заработков. Наличие среднего специального образования у руководителей позволяет получать, как правило, не более 7500 руб., в то время как наличие высшего образования заметно сказывается на доходах руководителей всех уровней, способствуя тому, что большинство их получает, по их словам, не менее 11250 руб. Причем высокие доходы управленцев не связаны с типом собственности предприятия, на котором они работают. Это говорит о том, что тарифная и квалификационная сетка, принятая на многих государственных предприятиях, в действительности не выполняет своей функции по экономическому стимулированию руководителей и специалистов разной квалификации.

Со специалистами немного другая картина. Низкий и средний образовательный уровень специалистов приводит к очень низким доходам (до 3750 руб.). Наличие высшего образования предполагает большую вероятность хороших доходов, однако вероятность эта все же заметно ниже, чем для руководителей – лишь около 40% специалистов с высшим образованием имеют ежемесячные доходы не менее чем 11250 рублей.

Что же касается рабочих, то уже сам факт того, что человек занят физическим трудом средней и низкой квалификации, заведомо ставит его на более низкую ступень ежемесячных доходов по отношению к остальному работающему населению (см. табл.8), а влияние не востребовавшего на этих рабочих местах образования на заработки практически не прослеживается.

Таблица 8

Ежемесячные индивидуальные доходы основных социально-профессиональных групп¹, % от их работающих представителей

Социально-профессиональные группы	Менее половины медианы (до 3750 руб.)	От половины до одной медианы (3750-7499 руб.)	От медианы до полутора медиан (7500-11249 руб.)	От полутора до двух медиан (11250-14999 руб.)	Две и более медианы (15000 руб. и более)
Руководитель, заместитель руководителя	8	12	32	12	36
Специалисты (включая офицерский состав)	5	22	33	10	30
Рабочий, 3–4 разряд	13	44	27	5	11
Рабочий, 1–2 разряд и без разряда	22	51	15	4	8

Вообще стоит отметить, что положение российских рабочих незавидное и крайне опасное для перспектив модернизации российской промышленности. В общей сложности от 39% до 57% российских рабочих в разных квалификационных группах обладают не просто низким, но заведомо недостаточным для того, чтобы занимать рабочие места в индустриально развитой экономике, уровнем человеческого капитала. Эти работники заняты преимущественно во вторичном (промышленности, энергетике, транспорте, строительстве) и первичном секторах экономики (сельском и лесном хозяйстве). Надежды же относительно модернизации рос-

¹ Показаны социально-профессиональные группы, которые значимо отличаются между собой по этому показателю.

сийской промышленности и сельского хозяйства можно питать лишь при наличии в них в массовом масштабе рабочих хотя бы со средним общим плюс специальное профессиональное образование, поскольку лишь этот уровень позволяет получить достаточное представление о технологическом процессе в целом и обеспечить эффективную трудовую деятельность в современной экономике. Особенно же тревожно, что среднее специальное образование пока имеют преимущественно представители среднего, а не молодого, поколения рабочих (59% рабочих в возрасте от 40 до 50 лет). При этом, поскольку человеческий капитал российских рабочих не сказывается на их доходах, которые связаны скорее с типом собственности предприятия (вероятность получения доходов на уровне медианы и выше возрастает для представителей физического труда, работающих на приватизированных и частных предприятиях), вряд ли можно рассчитывать на стремление рабочих более молодых когорт к повышению уровня своего образования. Скорее они будут просто стараться уйти туда, «где больше платят».

В этой связи особое внимание стоит обратить на представителей нефизического труда низкой и средней квалификации, выполняющих работу служащих или занятых на рядовых позициях в области торговли и бытовых услуг (70%–72% из них имеют среднее специальное образование). Большая часть служащих (64%) трудится в государственных учреждениях. Часто их можно встретить и в силовых структурах (треть всех служащих), а также в образовании, здравоохранении, науке и культуре (около половины всех служащих). Большинство же рядовых работников сферы торговли и бытового обслуживания, напротив, занято в корпоративном секторе.

Что же касается специалистов с высшим образованием, то главным источником предложения рабочих мест для них остается государство (см. рис. 11).

В большинстве случаев на частных предприятиях трудятся люди с низким и средним уровнем квалификации. Учитывая, что частные предприятия относительно равномерно распределены по трем основным сферам экономической деятельности, а также то, что в торговле, ЖКХ и бытовом обслуживании именно этот частный тип предприятий является основным, *можно высказать опасения за целые отрасли, которые заведомо не имеют ресурсов для модернизации*. Причем ошибочно полагать, что проблема здесь в руководителях отдельных предприятий. Дело в том, что в частном секторе вообще нет заинтересованности в найме высококвали-

фицированной рабочей силы, а государство не создает стимулов для возникновения этой заинтересованности, поскольку не способствует созданию в российской экономике конкурентной среды.

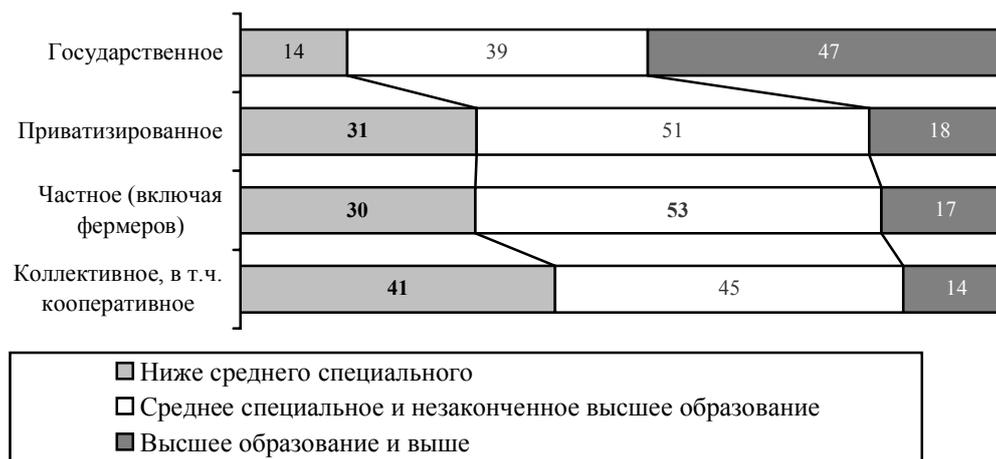

Рисунок 11. Специфика образования работников в зависимости от типа предприятия, % от работающих на них россиян

Вместе с тем, если низкий человеческий капитал в промышленности и сельском хозяйстве связан во многом с отсутствием структурной и институциональной государственной политики, вследствие чего в рамках целых отраслей формируются условия для деградации рабочей силы, то занятость в торговле, бытовом обслуживании, ЖКХ характеризуется в России низким человеческим капиталом по своей исторической сути. Поскольку работа в этой сфере до сих пор не требует в России особых навыков, переход в торговлю, обычно наблюдаемый в годы структурной перестройки экономики, всегда ассоциировался с самым простым, что может предпринять человек во время кризиса. Однако если популярность простых позиций в области торговли и бытовом обслуживании в годы масштабной трансформации российского общества можно было объяснить стремлением человека к элементарному выживанию, то очень тревожной выглядит тенденция расширения занятости в этой сфере в стабильные годы. Это свидетельствует о том, что, с точки зрения системы занятости, российская экономика и сегодня развивается по кризисному типу. Более того, оптимизма относительно модернизационного потенциала российской экономики станет еще меньше, если учесть, что торговля и сектор простых услуг особо популярны сегодня именно у рос-

сийской молодежи. Так, 43% занятых на рядовых позициях в сфере торговли и бытовых услуг, – это молодое поколение российских работников до 30 лет, что превышает долю россиян этого возраста в работающем населении страны в 1,5 раза.

Что же заставляет молодежь идти на простые рабочие места в сферу торговли и услуг? Сравнение денежной отдачи на образование, получаемой рабочими и рядовыми работниками в сфере бытовых услуг и торговли, не выявило значимых отличий. Получается, молодежь идет в этот сектор не из-за денег. Позиции рабочих не популярны среди молодежи также не потому, что их уровень человеческого капитала не удовлетворяет квалификационным требованиям рабочих мест в промышленности (тем более, что сегодня многие предприятия предлагают бесплатные курсы по переквалификации). Уровень образования молодежи, занятой на рядовых позициях в сфере торговли, действительно не очень высок, однако достаточен, чтобы работать на позициях рабочих (66% из них имеют среднее специальное образование). Дело в том, что, *в отличие от включения в состав рабочего класса, занятость в торговле позволяет сохранить надежды и ожидания молодых людей на карьерные перспективы и попадание в средний класс.* Так, более половины «поколения детей», занимающих рядовые позиции в сфере торговли и бытовом обслуживании, отличает уверенность относительно возможности получить хорошее образование. То же можно сказать в отношении их уверенности в возможности еще получить в будущем престижную и интересную работу.

Однако эта уверенность иллюзорна – она зиждется не на реальной оценке классовой ситуации на рынках труда, а на меньшей очевидности связи в их глазах утраты шансов на восходящую мобильность при работе в торговле по сравнению с занятостью в промышленности.

Итак, в современной России сложился тип экономических отношений, который тормозит развитие производительных сил. В рамках его создаются отраслевые ниши, в которых аккумулируется не просто низкоквалифицированная рабочая сила, но и низкоквалифицированные руководители. Благосостояние работников в этих отраслях не зависит от их человеческого капитала, что приводит к относительной деквалификации рабочей силы в них. Воспоминания о бурной восходящей мобильности в торговле в 1990-е годы привлекает в нее молодежь (в отличие от индустриального сектора, с которым в этом отношении все заведомо ясно). Та же молодежь, которая идет в промышленность, имеет худший человеческий капитал, чем средние возрастные когорты рабочих.

Более полно квалификационные характеристики российской рабочей силы позволяют понять данные о тех навыках, которые приходится использовать работающим россиянам во время их производственной деятельности, например, навык работы на компьютере. Учитывая, что информационные технологии являются сегодня основой мирового экономического развития, данные обследования позволяют говорить о неспособности к полноценному участию российских работников в международном разделении труда. Так, работа большей части россиян (58%) не предполагает использования навыков работы на компьютере, не говоря уж о навыках работы с применением иностранного языка или совместном использовании этих компетенций.

Причем в значительной степени это относится и к работникам нефизического труда. В современной российской экономике лишь часть рабочих мест, предназначенных для представителей нефизического труда (от 65% до 85% в зависимости от социально-профессиональной принадлежности), предполагает использование персонального компьютера, хотя в развитых странах его использование практически на всех этих местах стало нормой, а для специалистов – просто обязательным. С иностранным языком дело обстоит еще хуже. Даже специалисты и руководители в большинстве случаев (71–74%), не используют свои знания в этой области, хотя, согласно формальным требованиям системы высшего образования в России, выпускники вузов должны владеть иностранным языком хотя бы на базовом уровне. Получается, *сложившаяся в России структура рабочих мест, предполагающих нефизический труд, не стимулирует реализацию даже накопленного человеческого капитала, создавая тем самым условия для частичной деградации специалистов.*

В полной мере относится это и к руководителям, среди которых значительная часть не использует информационных технологий. Однако это связано не со спецификой их работы, а с общим низким качеством человеческого капитала многих российских «начальников». Так, 58% руководителей всех уровней, чья работа не предполагает использование компьютера, имеют образовательный уровень ниже среднего специального, а 68% их никак не повышали свою квалификацию в течение последних трех лет.

В этой связи надо отметить, что отношение к развитию своего человеческого капитала является еще одним ярким критерием, по которому можно судить о перспективах модернизации российской экономики в

контексте готовности к ней российских работников, поскольку непрерывное обновление своего человеческого капитала, и прежде всего менеджментом, является краеугольным камнем в достижении долгосрочной конкурентоспособности на современных рынках. Как показали результаты исследования, за последние три года руководители в массе своей пополняли свои знания – так, 81% руководителей высшего звена и их заместителей (и 66% руководителей среднего звена) использовали хотя бы один из видов повышения квалификации. При этом они активно прибегали к разнообразным формам образовательной деятельности (наиболее типичные из них – дополнительное обучение по старой специальности, совершенствование навыков работы на компьютере, самостоятельное пополнение знаний). Это сопоставимо с тем, как относятся к своему человеческому капиталу специалисты, из которых 79% за последние три года использовали разные формы пополнения своих знаний и навыков (наиболее популярные формы – переподготовка по новой специальности, самостоятельное пополнение знаний, совершенствование работы на компьютере, изучение языков, переход к новым видам деятельности). Несколько отстают от руководителей и специалистов служащие, большинство из которых (68%), впрочем, также активно включается в процесс обновления своего человеческого капитала (дополнительное обучение по старой специальности, совершенствование навыков работы на компьютере).

Вместе с тем, *сравнение форм пополнения знаний, используемых разными группами работников, позволяет говорить о явном различии причин обновления ими своего человеческого капитала. У руководителей и служащих это связано, как правило, с доведением уже имеющейся квалификации «до ума», в то время как специалисты рассматривают процесс обновления человеческого капитала с точки зрения расширения границ уже имеющейся квалификации.* Это принципиальное отличие позволяет нам глубже оценить объективные предпосылки модернизации, которые, хотя и существуют, но сосредоточены в очень узком сегменте российской экономики. *Лишь деятельность специалистов, видимо, открывает возможности для формирования личности, способной воспринять во всей полноте вызовы модернизации в сфере производственных отношений. Да и то, мотивы их активности в наращивании своего человеческого капитала лежат не столько в сфере инвестиционной деятельности в свой главный актив – человеческий капитал, – что характерно для развитых экономик и не характерно для России, где связь качества человеческого капитала и размера*

получаемых доходов достаточно слаба даже у специалистов, сколько в плоскости общих особенностей их трудовых мотиваций.

Посмотрим в этой связи, какую роль россияне придают своей работе. Согласно полученным данным, подавляющим большинством россиян (93%) работа воспринимается как источник получения доходов, хотя и не только (см. рис.12). Вместе с тем, распространенность этого восприятия работы зависит от профессии, сферы деятельности и типа собственности предприятия, на котором занят человек. Так, чаще всего россиян, которые смотрят на свою работу сквозь призму денежного интереса, можно встретить среди работников первичного сектора и промышленных рабочих высокой квалификации (96%). При этом восприятие россиянами своей работы как источника заработка не всегда предполагает плохое имущественное положение и, вообще говоря, не связано с получаемыми доходами.

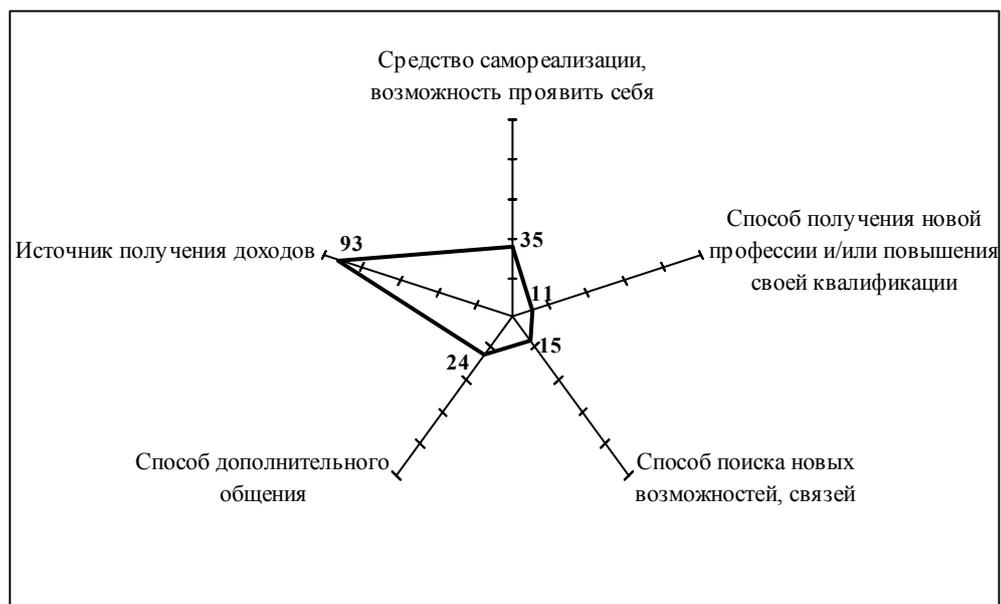

Рисунок 12. Чем является для россиян их работа, % от работающих (допускалось до трех ответов)

Все остальные аспекты оценок роли работы в своей жизни у россиян противостоят взгляду на нее сквозь призму денежного интереса и распространены гораздо реже. Особенно низок (что важно в свете тенденций развития человеческого капитала российских работников, о которых шла речь выше) показатель восприятия своей работы как способа повышения квалификации. Тем не менее, хотя *материальная сторона выступает,*

безусловно, как значимый ее аспект, но это далеко не единственное, чем является для россиян их работа. Восприятие работы как ресурса саморазвития является нормой для представителей высококвалифицированного умственного труда и предпринимателей (64% предпринимателей и самозанятых, 58% руководителей всех уровней, 54% специалистов) и девиацией для рядовых работников торговли и рабочих (24% и 21% соответственно), а также, хотя и в меньшей степени, для служащих (46%).

Может быть, за этой поляризацией стоит также и разница в системе производственных отношений, которая складывается на рабочих местах россиян или воспринимается ими как оптимальная? Судя по всему, это предположение верно. Так, среди россиян, для которых их работа является средством самореализации, в два раза чаще, чем в целом по работающим (44% против 21%), можно встретить сторонников жесткой трудовой и производственной дисциплины (хотя и в этой группе они не составляют большинства). Причем если в целом по работающим россиянам такое отношение к выполнению внутриорганизационных правил практически полностью (на 84%) совпадает с убеждением, что распоряжения руководителей надо выполнять всегда, а не только тогда, когда с ними согласен, то среди россиян, воспринимающих свою работу как средство самореализации, это соответствие еще выше (90%). То есть, *у подавляющего большинства россиян, для которых работа ценна как ресурс личностной реализации, и которые при этом разделяют требования соблюдения трудовой и производственной дисциплины, отношение к иерархии безусловное и не зависит от того, насколько их руководители правы. Однако, как только у таких россиян возникает неопределенность в отношении принятых в организации правил, даже у них возникает восприятие решений руководства как условно-обязательных.*

Стоит отметить, что нигилизм в отношении распоряжений руководства не связан ни с профессией, ни с образованием, ни с типом населенного пункта, в котором проживает человек, выступая общей социокультурной нормой российского общества. Однако для той части российских работников, которая характеризуется установками на саморазвитие, такой фактор как условия социализации (первичная социализация в условиях мегаполиса) начинает играть в этом вопросе значимую роль, способствуя понижению уровня распространенности этого нигилизма.

Вместе с тем, среди россиян, воспринимающих свою работу как способ удовлетворить потребность в общении (а попросту говоря, тех, кто

приходит на работу, чтобы «потусоваться»), в 12 раз чаще, чем в среднем по работающим (30% против 2,5%), встречаются люди, которые категорически не согласны с тем, что правила, принятые на работе, не должны нарушаться, даже если работник думает, что это в интересах организации. Это значит, что *правовой нигилизм работающих россиян неоднороден, хотя и птается общей социокультурной нормой*. Однако в любом случае вряд ли при его распространенности, особенно среди работников, занятых на позициях, которые требуют особой исполнительности, можно рассчитывать на соблюдение технологической дисциплины, являющейся одной из важнейших предпосылок успешной экономической модернизации.

(Окончание в следующем номере)